

МАРИНА ЦВѢТАЕВА

РЕМЕСЛО

КНИГА СТИХОВЪ

МОСКВА / БЕРЛИНЪ

Г Е Л И К О Н Ъ

1 9 2 3

REMESLO

Elizabeth G. Brown

MARINA TSVETAeva

REMESLO

Kniga stikhov

Reprint of the 1923 Helikon edition

With an introduction and notes

by

EFIM ETKIND

Willem A. Meeuws—Publisher—Oxford
1981

W. A. Meeuws
ISBN 0 902672 46 0

Printed in Great Britain by Seacourt Press Ltd., Oxford

Е. ЭТКИНД

ПУТЬ К РОССИИ

/О сборнике Марины Цветаевой "Ремесло"/

Она знала, что стихи не одним лишь талантом порождаются, а и всеми бедами, страстями, слабостями и радостями живой человеческой плоти, ее болезненным опытом, ее волей и силой, потом и трудом, голодом и жаждой.

Ариадна Эфрон. Страницы воспоминания.

1

Сборник "Ремесло" - главная книга Марины Цветаевой, которая запечатлела и труднейшую эпоху в ее жизни, и трагическую эпоху в жизни страны: от апреля 1921 до апреля 1922 года. Москва, как и вся Россия, голодала. Гражданская война, опустошавшая и обескровившая страну, окончилась победой большевиков; "белое движение" погибло безвозвратно, установился военный коммунизм, уступивший место НЭПу. Но голод, голод, голод. Можно ли было думать о другом, когда умирали дети? Для горожан 1921 год - один из самых страшных. Тяжелее всего было женщинам. "Картошка на полу... Врать нужно руками: три пуда. Не оттаявшая слиплась в чудовищные гроздьи. Я без ножа. И вот, отчаявшись /рук не чувствую/ - какую попало: раздавленную, мороженную, оттаявшую... Мешок уже не вмещает. Руки, окончательно ооченев, не завязывают. Пользуюсь темнотой, начинаю плакать... Мешок, слабо завязанный, рассыпается. Клюканье. Хлипание. Терпеливо и не

торопясь подбираю...^{1/} С этими же руками, онемевшими от холода, Цветаева потом сидела за своим столом, который был "Лбом, локтем, узлом колен Испытанный, - как пила В грудь ввезшийся...", который учил, "что нету - завтра, Что только сегодня - есть" и "что каждой строчки Сегодня последний срок". Так было недавно, в 1919 году, - в 1921 году чуть полегче, не на много. Денег нет, источников существования нет; Цветаева переписывает стихи, сшивает в тетрадочки и продает - через Лавку писателей /это тогда называлось: "преодолевать Гутенберга"/, покупателей почти никаких. Девятилетняя Аля постоянно и сильно болеет - кормить нечем. Трехлетняя Ирина в феврале 1920 года умерла в приюте за Москвой - от голода. Потрясенная мать так никогда и не опубликовала стихи, вырванные у нее этой смертью /они увидели свет через двадцать лет после гибели Цветаевой - в "Тарусских страничках"/:

Две руки, легко опущенные
На младенческую голову!
Были - по одной на каждую -
Две головки мне дарованы.

Но обоями - закатками -
Яростными - как могла! -
Старшую из тьмы выхватывая,
Младшую не уберегла.

Две руки - ласкать-разглаживать
Нежные головки пышные.
Две руки - и вот одна из них
За ночь оказалась лишняя.

Светлая - на шейке тоненькой -
Одуванчик на стебле!
Мной еще совсем не понято,
Что дитя мое в земле.

Сестре Анастасии Марина Цветаева пишет в декабре того же двадцатого года: "Лиля и Вера вели себя хуже, чем животные - вообще все отступились... Дом разграблен и разгромлен. - Трущоба. Топим мебелью. - Пишу. - Не служу, ибо после смерти Ирины мне выхлопотали паек, дающий возможность жить. - Служила когда-то 5¹/₂ месяцев /1918 г./ - ушла, не смогла. - Лучше повеситься." 2/

Один из ее друзей, Сергей Волконский, рассказывает - в письме-посвящении, адресованном Цветаевой: "А помните, как пришел к Вам грабитель и ужаснулся перед бедностью, в которой Вы живете? Вы его пригласили посидеть, говорили с ним, и он, уходя предложил Вам взять у него денег". 3/ С. Волконский - три года спустя в Риме, вспоминал об этих днях с ужасом: "- Вы помните, как мы жили? В какой грязи, в каком беспорядке, в какой бездомности?... Помните жуткие звонки, омерзительные обыски, оскорбительность "товарищеского" обхождения? Помните, что такое был шум автомобиля мимо окон: остановится или не остановится? О, эти ночи!... На улице лошадиная падаль лежит, а из брюха ее врасыпную кидаются собаки..." /X, X111/ А муж, воевавший в Добровольческой армии, пропал без вести, - жив ли? Он не знает ни о голодной смерти дочери, ни о мучительном существовании жены. Марина просит Анастасию - побережь его: "Если найдется след С. - пиши, что от воспаления легких". Она верит в чудо и ждет своего Сергея: "Я Москву ненавижу, но сейчас ехать не могу, ибо это единственное место, где меня может найти - если жив. - Думаю о нем и день и ночь, люблю только его".

Вопреки всему - ослепительная вспышка поэзии. В июле-сентябре 1920 года: удалая, ярко-песенная, многоцветная и многоголосая "Царь-Девница". В январе 1921 года: бешено-динамическая поэма "На красном коне", герой которой - по свидетельству дочери, Ариадны Эфрон - автор "Двенадцати", Георгий-Победоносец революционных лет России, Александр Блок. В эту эпоху она увлечена сочинениями и личностью Сергея Волконского, - она переписывает от руки его труды /"Странствия", "Лавры".../ - может быть это заглушает в ней горе и тревогу.

Сергеем Волконским и открывается сборник "Ремесло": циклом стихов, посвященных ему смиренным учеником /"Час ученичества, он в жизни каждой Торжественно-неотвратим"/, и его поэтическим портретом. Вероятно, так Цветаева кончает предыдущий период и одновременно начинает новый; ее "час ученичества" - это "сброшенная клажа", отказ от опыта, накопленного годами, чтобы впитать в себя новую мудрость - мудрость Учителя. Хотя не слишком то склонна Марина Цветаева до конца укротить гордыню и "сапожком - робким и кротким" ступать за ним, за Мудрецом; последнее стихотворение цикла завершается строками:

Сапожком - робким и кротким
За плащом - лгушим и лгушим...

Вот от понимания того, что истина учителя - ложь, как всякая конечная истина, и рождается мироощущение, которое более всего поражало всех, видевших в эту пору Цветаеву:

Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, - еще заря зашлась.
Благословен ему грядущий следом
Ты - одиночества верховный час!

Одиночество - гордое и непреодолимое: это в ту пору постоянное впечатление от Цветаевой. Близко знавший ее Илья Эренбург вспоминал: "С отрочества до смерти она была одинокой, и эта ее отверженность была связана с постоянным отталкиванием от окружающего".^{4/} Тот же Эренбург нашел очень точную формулу: иступленное одиночество Цветаевой... И все же: "Одиночество было для нее не программой, а проклятием". Сколько раз об этом проклятии писала она сама: "Я очень одинока, хотя вся Москва - знакомые. Не люди. - ... Все эти годы кто-то рядом, но так безлюдно!"^{5/} Одиночество - от огромных требований к людям. Одиночество - от неукротимого свободолюбия.

Цикл "Ученик" стоит в начале книги для того, чтобы с

первых же строк заявить о новом начале, о новом летоисчислении в жизни автора - сброшен груз прежнего, ученик сменил "пурпур Война на мех верблюжий". В то же время смысл "Ученика" и в том, что автор заявляет о своей безоговорочной самостоятельности, независимости от кого бы то ни было, даже от обожаемого Учителя. Стихотворение кончается готовностью "...вдохновенно улыбнувшись - первым Взойти на твой костер", а заключительное, седьмое, отрицающей эту преданность строкой: "За плащом - лгушим и лгушим".

Сборник начинается циклом "Ученик", посвященным С.М. Волконскому - по причинам, обусловленным биографией.

Но сборник открывается циклом "Ученик" по причинам сюжетным.

Биография с сюжетом - смыкаются, но и расходятся.

2

За год, составляющий сюжетное время сборника "Ремесло", произошло немало событий, и общих, и частных. В начале 1921 года - Кронштадтское восстание, а потом - объявление НЭП'а и наступившее сразу оживление литературной и всякой иной жизни. Окончание Гражданской войны, крушение "белого дела". Гибель /незадолго/ Бориса Трухачева, первого мужа Анастасии Цветаевой /Марина: "...смерть Бориса - для меня рана на всю жизнь, огромное, огромное и страшное горе"/ и пропажа /безнадежная?/ Сергея Эфрона. Весной - поездка за границу Эренбурга с обещанием найти его следы, и, внезапно, "Благая весть": Эфрон жив и здоров. Об этом - в конце июня - извещает Цветаеву Эренбург через Бориса Пастернака, доставившего письмо. 1 июля - письмо самого Сергея Эфрона из Праги: помнит, любит, ждет встречи. Сразу - заявление властям с просьбой разрешить выезд к мужу, дать паспорт ей и дочери. В это самое время - 2 августа - арест Гумилева, обвиненного в заговоре, а 7 августа - смерть Александра Блока /"Вещие вьюги кружили вдоль жил, Плечи сутулые гнулись от крыл..."/, а 24 числа того же проклятого августа казнь Гумилева; /в конце ноября она об-

ратится к Сергею Эфрону, помня об этом расстреле:

Пусть весь свет идет к концу
Достою у всенощной!
Чем с другим каким к венцу -
Так с тобою к стеночке/.

После казни Гумилева - донесшиеся из Петрограда в Москву настойчивые слухи о самоубийстве Ахматовой, первой жены Гумилева; для Цветаевой это крушение: Анна Ахматова - кумир. Поражает мертвое равнодушие московской литературной среды, - взволнован один только Маяковский, тот самый, для которого, казалось бы, Анна Ахматова воплощает враждебное начало /позже он напишет о Версале: "...Как будто бы влип в акварель Бегнуа, К каким-то стишкам Ахматовой"/; именно Маяковский, пустив в ход всю свою энергию, узнал правду и успокоил Цветаеву: Ахматова жива. Весной 1922 года заграничные паспорта оформлены, в мае - отъезд. 15 мая - Берлин.

Почти все эти события - и некоторые другие - получили свое лирическое отражение в сборнике "Ремесло". Тут и отклик на смерть Т.Ф.Скрябиной, вдовы композитора и близкого друга Марины Цветаевой /Бессоница/, и поэтический портрет Михаила Кузьмина, встреченного в январе 1916 года и вспомненного в связи с тем, что полистала в Лавке писателей его сборник "Нездешние вечера" и нашла совпадение с собою... /Два зарева! - нет, зеркала!.../, и напутственные стихи Илье Зренбургу, взявшемуся отыскать Эфрона и передать ему письмо:

Между рубахою и грудью
Ты сердце Матери везешь.

/Вестнику/

и многочисленные стихи, адресованные Сергею Эфрону, проникнутые и тоской /Разлука/, и восхищением его самоотверженным героизмом /Георгий/, и, наконец, восторгом - после получения от него письма:

Мертв - и воскрес?!
Вздоху в обрез,
Камнем с небес,
Ломом

По голове, -
Нет, по эфес
Шпагою в грудь,
Радость!

/Благая весть, 2/

и скорбные, а порой иронические, даже саркастические стихи о проигранной белыми гражданской войне /"Возвращение вождя"/, и восхваление Аюматовой, которую Цветаева, еще не зная, жила она, но уже зная о расстреле Гумилева, - называет "Единойдержницею струн", с которой "беседовали звезды"; и апология Маяковского /Здорово, в веках Владимир! /, который, хоть и ломовой, да Архангел; и стихи о татарской неволе, выражающие решение - нет, далеко не веселое! - уехать из России:

Ханский полон
Всласть изведав,
Бью крылом
Богу побегов...

/"Ханский полон",1/

и стихи о Блоке, отождествляемом с Богом; и о Москве, которая равновелика России; и о революционерах, честно погибших в бою за свободу:

Тоже праведники были,
Были - не за гривну!...

/"Москве"/

и о тех, кто пал в гражданскую войну - и свои, белые соратники Сергея Эфрона, и другие, которые тоже пали за свою стра-

ну - красные; и бунтарской стихии русского народа - с его Соловьем-Разбойником и Степаном Разиным, с его метелями, песнями, гульбой, плясками и мятками.

Таков биографический стержень "Ремесла", сборника, в котором можно видеть лирический дневник.

3

Но есть в "Ремесле" и второй сюжетный слой, поднятый над биографическим. Читатель движется от стихов понятных, вполне прозрачных, к загадочным, темным; и чем дальше, тем все более темным, - пока не упирается в поэму "Переулочки", которую понять и вовсе невозможно... Впрочем, нет, понять ее можно, для этого надо заняться изысканиями - прочесть письма Цветаевой, написанные полтора десятилетия спустя, где даются истолкования поэмы, прочесть былинку "Добрыня и Маринка", на которую она ссылается, изучить другие материалы. На это автор рассчитывать не может; значит он предполагал, что поэма останется загадочно-темной. Читатель проделывает путь от света ко все более сгущающемуся и, наконец, в самом деле почти непроглядному мраку. И этот путь оказывается метафорой русской жизни.

Второе движение, осуществляемое читателем - от отдельного, отчетливо звучащего голоса, через диалоги с отдельными голосами, к народным хорам, в которых голоса сливаются в неразличимое целое, и еще - к шумно-хаотической разноголосице мятка или пьяного праздника:

Над ушком-то чудом:
Пора, брат, за бубен!
А в ладонь-то - зудом:
С кого брать зарубим

Товарищество! Товар
Румяный наш кашевар!

Тисканая!
Глаженая!
Румяная!
Ряженая!

Ротастая -
Твоя купель.
Одна сестра -
На всю артель!...

/Сугробы/

Этот путь читателя - тоже метафора русских революционных лет.

И еще в сборнике "Ремесло" неуклонно нарастает народно-речевое начало, фольклорная песенность, музыкально-плясовая внесловесная выразительность. Начало чисто литературное, даже в пределах принятых петербургско-интеллигентских условностей, - например, едва ли не акменстический словарь в стихотворении "Князю С.М.Волконскому":

Стальная выправка хребта
И вороненой стали волос.
И чудодейственный - слегка -
Чуть прикасающийся голос...

Чем дальше, тем народная речь становится необузданнее, тем она больше вырывается из принятых литературных норм. Еще в цикле "Георгий" речь близка к привычно-символистской /Славь-те, жемчужные Грозди полуночи, Дивного мужа, Пречистого юношу/, в "Ханском полоне" она приобретает черты архаически-стилизованной разговорности /Щебнем-травой, Гребнем-откосом. Над татарвой - Тьфу! - над раскосой.../, чтобы в стихотворении "Ахматовой" стать народно-песенным монологом /Где сподручки твои, Где сподвижники? Белорученька моя, чернокишница!/, а в "Переулочках" приобрести черты плясовых народных мелодий, преодолевающих ограниченность словесных смыслов

/Высь-Ястребовна, Зыбь-Радуговна, Глыбь-Яхонтовна: Лазоры!/
Звончей, звонницы-бессоницы, Во весь-от-звон! Здесь головуш-
ки не клонятся: И так взойдем.../

И, чем дальше, тем большую свободу обретает речь - в слово-
образованиях, в ритмических формах, в игре идиоматикой, напе-
вами, переплясами. В этом отношении "Переулочки" - высшая
точка свободы, обретенной благодаря погружению в стихию безу-
держной народности.

Есть и другие аспекты этого движения от начала "Ремесла"
к его концу. Так, сборник открывается пространством отвлечен-
ным, ирреальным, философским; где это происходит?

Тихо взошли на холм
Вечные двое...

или

Ручьев ниспадающих речь
Сплелась предивно...

или

По холмам - круглым и смуглым...
По пескам - жадным и ржавым...
По волнам - лютым и вздутым...

Аллегорическое пространство - пейзаж в цикле "Георгия".
Но постепенно оно становится более отчетливым и конкретным,
хотя и сказочно-условным:

Травушки стоптаны,
Рученьки розняты.
В поле стыдобушка
Никнет березынькой

/Ханский полон, 4/

А в цикле "Сугробы", где сохраняется народная песенность, появляется осязаемая точность пространственно-пейзажных деталей:

Горбуны-горбы-верблюды -
Прощай, домочадцы!
А сугробы подаются -
Скоро расставаться.

Этот сюжет "Ремесла" - от "Ученика" до "Переулочков" - можно было бы назвать так: путь к России.

К народному языку. К мятежной стихии крестьянства. К деревенскому хмельному переплясу, к частушке и словесным играм мужиков - загадкам, заплачкам, заговорам, свадебным и ярмарочным песням, скоморошеству и балагану.

К той древней Руси, которая еще сохранилась в нынешней России, и которая уходит неминуемо - пора расставаться! И все это значит: и Русь уходит от меня, и я - уйду от нее, уезжаю... "Бью крылом Богу побегов"...

Не гляди, что слезы льются:
Вода - может статься!
Раз сугробы подаются -
Пора расставаться!

"Ремесло" - это прощание Марины Цветаевой с Россией. На-
растание неминуемости расстаться с этой страной, - единствен-
но дорогой и в то же время ненавистной, - окрашивает сбор-
ник в трагические тона. Цветаева, еще не уехав, понимает
тоску беженства; позднее она подведет итоги своей эмиграции:
"Из мира, где мои стихи кому-то были нужны как хлеб, я попала
в мир, где стихи никому не нужны, ни мои стихи, ни вообще стихи,
нужны - как десерт: если десерт кому-нибудь нужен". 6/

И все же: какое счастье, что она уехала! Можно ли сомне-
ваться, что ее ожидал ГУЛаг, или просто пуля в затылок?
За мужа-белогвардейца... за воспевание белых Лебедей... за
дружбу с Мандельштамом... за "абстрактный гуманизм"....за

"идеализацию иррациональной стихии"... за "кулацкие мотивы"... Нашлось бы за что. Ведь погибли же куда менее во всем этом виновные Артем Веселый, Борис Пильняк, Борис Корнилов, Павел Васильев, и все другие.

"Ремесло" - это прощание с Россией. Путь из России. Но биографический путь из России оказался в книге - путем к России. Оба сюжета, сомкнувшись, разошлись.

4

Марина Цветаева еще не заняла подходящего ей места в современной русской литературе. В Советском Союзе ее, казалось бы, "посмертно реабилитировали" - выпустили большой однотомник в "Библиотеке поэта" /1965/, где в предисловии /В.Н. Орлова/ сказано: "...Без лучших стихов и поэм Марины Цветаевой сейчас уже невозможно составить достаточно полное и ясное представление о русской поэзии нашего века"^{7/}.

А все же однотомник остался - сам по себе. Цветаеву изучают, в архивах копаются, публикуют неизвестные тексты, ловят биографические фактики; но русская поэзия 20х-30х годов все же обходится пока без нее. Обойма осталась прежней: Демьян Бедный, Маяковский, Багрицкий, Безыменский, Жаров, отчасти В.Казин и пролеткультовцы, отчасти /как посторонние/ Пастернак, Сельвинский, и, конечно, Тихонов. А Марина Цветаева - она ведь жила где-то за границей!... При чем тут она?

Ну и что с того, что за границей? И Достоевский, и Тургенев, и Герцен, и даже Горький писали за границей. Литературный процесс остается единым, где бы кто ни писал. Марина Цветаева недаром с такой страстью исследовала /да, именно исследовала, и лучше многих специалистов/ поэзию таких современников, как Пастернак и Маяковский; она себя от них не отделяла. И была права: какими бы ни оказались политические взгляды Цветаевой, она справедливо считала себя поэтом революционным - хотя бы в том смысле, что взрывала все традиционные нормы классической литературности. Она справедливо видела общность между собой и Владимиром Маяковским в поэтическом грамогласии, в ораторской сути стихов, обращенных к народным толпам.

Маяковский - с точки зрения Цветаевой - единственное в мире явление, ибо, как правило, революционер в политике - консерватор в поэзии: "Оттого, что Луначарский революционер, он не стал революционным поэтом; оттого, что я не - я не стала поэтом-реставратором"^{8/}, - утверждает десять лет спустя Цветаева, и продолжает: "Поэт Революции /.../ и революционный поэт - разница. Слилось только в Маяковском /.../ Посему он чудо наших дней, их гармонический максимум..." А по поводу общности их обоих у нее сказано со всей определенностью: "Маяковского нужно читать вслух и как можно громче /.../. Всем залом, всем веком"^{9/}. А про себя: "Мои русские вещи при всей уединенности, и волей не моей, а своей, рассчитаны - на множества". Трагедию свою М.Цветаева видела в эмигрантской узости: "Здесь множеств - физически нет, есть группы. Как вместо арен и трибун России - зальца... Не тот масштаб, не тот ответ. В России, как в степи, как в море, есть откуда и куда сказать. Если бы давали говорить".^{10/}

По примитивной логике, автор "Лебединого стана" должен был проклясть автора "Двенадцати". Между тем, Марина Цветаева Блока боготворила. Ариадна Эфрон свидетельствует: "Блок в жизни Марины Цветаевой был единственным поэтом, которого она чтит не как собрата по струнному ремеслу, а как божество от поэзии, и которому, как божеству, поклонялась... Феномен "Двенадцати" не только потряс ее, но в чем-то основном творчески устыдил, и за себя, и за некоторых ее современников-поэтов."^{11/}

Маяковский, Блок, Пастернак, Ахматова - как видим, Марина Цветаева, оценивая русскую поэзию современности, руководилась отнюдь не политикой. Сама она, хотя иногда декларировала /не слишком горячо/ свой вымученный монархизм, сама она как поэт стояла в одном ряду с теми, кого иногда называют "стихийниками" в русской литературе XX века, - поэтами и прозаиками, вдохновленными взорвавшейся в 1917 году народной стихией мятежа, напоминавшей о Смутном времени, о Разине и Пугачеве, о древней народной вольнице. Веру в глубинные силы крестьянской Руси она сохранила до конца тридцатых, и

это было подлинной революционностью Цветаевой, роднившей ее со всем авангардным искусством двадцатых годов. Все более импозантно утверждала себя российская бюрократическая империя. Когда Марина Цветаева в 1939 году приехала в Москву, она ее и нашла - эту застывшую, бесчеловечно-монументальную сталинскую империю. Революционный поэт Марина Цветаева был уничтожен тоталитарным чудовищем, который до того задушил и любимое ею крестьянство, и вскормившую ее интеллигенцию, и обожаемую ею поэзию.

Не политические факторы определяют пути литературы. Французский романтизм создали роялист Виньи и республиканец Гюго, а русский - христианский монархист Жуковский и революционер Рылеев. Сборник Марины Цветаевой "Ремесло" - ярчайшая стихотворная книга двадцатых годов, и ее следует изучать в ряду со стихами и поэмами Хлебникова, Маяковского, Пастернака, Тихонова, Багрицкого, Ахматовой, Сельвинского, - где бы ни жила Цветаева и какой бы из политических лагерей ни воспевала.

Тем более, что среди поэтов Революции не было, кроме Маяковского /и - отчасти - Пастернака/, никого, кто бы с такой веселой энергией революционизировал поэтическую речь и русский стих. В "Ремесле" цветаевское новаторство обнаруживает себя на каждом шагу. Это и обновление лексики - посредством необыкновенных, хотя и свойственных народному языку, неологизмов, типа: двумолние /стр.51/, кипь перебег /60/, горбачусь /63/, единодержца /64/, или составные вроде: полночь-бьет-бог, ворон-бог, шпоры-в-бок-бог /66/, окрик-бог, опрометь-бог /67/, крест-мой-цепок /68/, скатерть-верста /69/, хан-тот-лазей, Царь-раскрадынь, Рознит князей, Вдовит княгинь /72/, или такие народные образования, как: Спи, недослук, Чтоб тебя сам Хан карнаух! /73/... Это и поразительные ритмические формы, казавшиеся чисто экспериментальными, а Цветаевой используемые всерьез, вовсе не ради формального фокуса. Она может написать целое стихотворение одними односложными словами, без неударных слогов:

Конь - хром,
Меч - ржав.
Кто - сей?
Вождь толп ...

/58/

Может создать шестистопный ямб без привычной цезуры посредине и с дактилическими окончаниями всех строк:

С какой торжественною постепенностью
Спадают выпренные обветшалости!
О наши прадедовы драгоценности!
Под самозванческим ударом Жалости

/24/

Может дробить слова на части, сообщая каждому из отделившихся кусков необходимое музыкальное ударение:

Товарищи!
Жива еще
Мать - Страсть - Русь!
Товарищи!
Цела еще
В серд - цах Русь!

Может до неправдоподобия, хотя и не нарушая правил словообразования, удлинить слова, сделав их образным выражением медленности:

На заре - наимедленнейшая кровь,
На заре - наимягчайшая тишь...
Око зрит - невидимейшую даль,
Сердце зрит - невидимейшую связь
Ухо пьет - неслышаннейшую молвь...

/121/

Или построить серьезное, драматическое стихотворение по образцу народной скороговорки:

Простор - человек,
Нютоколь - человек,
Сквозь-пол - человек,
Прошел - человек.

/128/

Или на основе /музыкально-мелодической/ обыкновеннейшей деревенской частушки:

Как на красной на слободке
Муж жену зарезал.
А моя добыча в глотке -
Не под грудь левой!

/130/

Или - на фоне народно-песенной словесной игры:

Вон за ту вон даль,
Вон за ту вон синь,
Вон за ту вон сквозь,
Грива вкось, крылья врозь...

А вот - другой вариант частушки:

Нет сосны такой прямой
Во зеленом ельнике.
Оттого-что мы с тобой
Однокодыбельники.

/89/

Примеров можно приводить множество. Ясно и так, что Марине Цветаевой как мастеру языка и стиха чужда даже тень классической охранительности, как бы порой ни казалась она консервативной в своих политических воззрениях.

Впрочем, как большому поэту, ей чужда и всякая узость нетерпимости. Восхищала ее позиция Максимилиана Волошина,

в чьем крымском доме находили убежище

И красный вождь, и белый офицер,
Фанатики непримиримых вер...

В очерке о Волошине Цветаева писала: "...он спасал красных от белых и белых от красных, вернее, красного от белых и белого от красных, то есть человека от своры, одного от всех, побежденного от победителей... Этого человека чудесно хватило на все, все самое обратное, все взаимоисключающееся... На одно только его не хватило, вернее, одно только его не хватило: партийность, вещь заведомо не человеческая, не животная и не божественная, уничтожающая в человеке и человека, и животное, и божество."^{12/}

Эта декларация - важнейшая для Цветаевой. В "Ремесле" утверждена именно такая позиция, единственно человеческая:

Враг - пока здоров,
Прав - как упал.
Мертвым - устав
Червь да шакал.

Вместо глазниц -
Черные рвы.
Ненависть - ниц:
Сын - раз в крови!

/ "Сомкнутым строем" /

С этой позицией лицемерно спорит советский критик, цитируя прекрасные строфы:

Все рядком лежат, -
Не развестъ межой.
Поглядеть - солдат!
Где свой, где чужой?

Белым был - красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был - белым стал:
Смерть побелила.

Вл. Орлов, неловко подделываясь под официально-советскую фразеологию, называет это "абстрактной человечностью" и "неверными нотами". Ему будто бы по душе иной гуманизм - "беспредельная ненависть к заправилам капитализма..." и проч. Может быть, написать это прославление ненависти в предисловии к однотомнику и было необходимо, чтобы начальство позволило вернуть Марину Цветаеву русскому читателю, в СССР, но, во имя правды и человечности подлинной, напомним в заключенные строки Марины Цветаевой:

Ненависть, - чти
Смертную блажь!
Рядышком ляжь!

Ненависть, ниц
Сын - раз в крови!

1. Марина Цветаева. Мои службы. В кн.: Проза, Нью-Йорк, 1953, стр. 127
2. Марина Цветаева. Неизданные письма. УМСА-Press, Paris, 1972, стр. 42. Упомянутые здесь Ляля и Вера - невестки Цветаевой.
3. Кн. Сергея Волконский. Быт и бытие. К-во "Медный всадник", 1924, стр. xiii /репринт - УМСА-Press, 1978/.
4. И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. 1. М., 1961, стр. 375.
5. Марина Цветаева. Письмо сестре, 17 декабря 1920. Неизд. письма, Париж, 1972, стр. 43.
6. Марина Цветаева. Проза. Нью-Йорк, 1953, стр. 276-277. /"Нездешний вечер"/
7. Вл. Орлов. Марина Цветаева. Судьба. Характер. Поэзия. В кн.: Марина Цветаева. Избранные произведения. М.-Л., 1965, стр. 6.
8. Марина Цветаева. Поэт и время /1932/. "Воля России", 1932, №1-3, перепеч. в "Несобр. произв.", 1971, стр. 628.
9. Марина Цветаева. Эпос и лирика современной России /1933/. "Новый град", №6 и 7, Париж, 1933, перепеч. там же, стр. 641.
10. Марина Цветаева. Поэт и время. "Несобр. произв.", стр. 623-624.
11. Армадна Эфрон. Страницы воспоминаний. Изд-во "Лев", Париж, 1979, стр. 63-64.
12. Марина Цветаева. Живое о живом/1932/. В кн.: Проза, Нью-Йорк, 1953, стр. 198-199.

П Р И М Е Ч А Н И Я

/стр. 7/ Ученик

Этот цикл из 7 стихотворений посвящен Сергею Михайловичу Волконскому /1860-1937/, внуку декабриста, писателю, историку и философу. Цветаева подружилась с ним в Москве в 1921 и прониклась таким восхищением к этому пожилому ученому /который "не научился любить женщин, но научился любить любовь" - из писем к А. Бахраху, 10.1.1924/, что потратила целую зиму /1921/ на переписывание каллиграфическим почерком трех его рукописей; писать свое ей было в тот год просто некогда, - внезапно у нее, как она позднее писала в письме, вырвался "Ученик" /Ю.Иванову, 4.У1.1933/. В "Психее" тот же цикл напечатан с эпиграфом:

Сказать - задумалась - о чем?
В дождь - под одним плащом,
В ночь - под одним плащом, потом
В гроб - под одним плащом.

Готова в 1940 г. сборник избранных стихотворений, Цветаева объединила №1,2,5 и 6 под новым заглавием: "Леонардо" /видимо, имя эмигранта С.Волконского цензура запрещала/.

2. "Есть некий час..." В сб. "Психея" эти слова вынесены в эпиграф стихотворения с подписью Тютчев; начало стихотворения Тютчева: "Есть некий час в ночи всемирного молчанья..."

3. "Солнце вечера - добрее Солнца в полдень..." Имеется в виду возраст С.М. Волконского /61год/.

7. Подробный анализ этого стихотворения см.: Е.Эткинд. Ритм как фактор содержания. В сб.: Форма как содержание. Вюрцбург, 1978.

/стр. 15/ Кн. С.М. Волконскому и следующие 4 стихотворения, объединенные темами верности и ревности, развивают идеи, заложенные в цикле "Ученик".

Подробно о С.М. Волконском см. в кн. воспоминаний Эм. Миндлина "Необыкновенные собеседники", Москва, 1968.

Марина

Цикл из 4-х стихотворений, написанный от имени Марины Мнишек /1588-1614/, польской дворянки, коронованной в Москве в 1606 году в качестве жены Лжедмитрия 1, затем жена двух других самозванцев /"Трем Самозванцам жена..."/, умершая в заточении. Цветаева обычно отождествляла себя с нею / по общности имени/ - ср. в сб. "Версты" стихотворение "Дмитрий! Марина! В мире.." /29 марта 1916 года/; это отождествление подхвачено О.Мандельштамом, ответившим тогда же Цветаевой - от имени царевича Дмитрия /"На розвальнях, уложенных соломой...", конец марта 1916 года/. Впрочем, за год до того С. Парнок писала в стихотворении, обращенном к Цветаевой: "Где Гете твой и где твой Лже-Дмитрий?" /С.Парнок. Собрание стихотворений, 1979, стр. 125/.

1. Басманов Петр Федорович /ум. 1606/, воевода при Борисе Годунове, победоносно воевавший против Лжедмитрия, внезапно, в 1605 году, перешедший на его сторону и ставший членом его правительства; убит вместе с Лжедмитрием во время восстания москвичей.

2. Речь идет о драматической судьбе Самозванца Лжедмитрия 1, которого позорно казнили на Красной площади.

/стр. 25/ Татьяна Федоровна Скрябина - вдова композитора. Цветаева писала о ней:

"11 апреля /ст.ст./ 1922 - похороны Т.Ф. Скрябиной. Я была с ней в дружбе 2 года подряд - ее единственным женским другом за жизнь. Дружба суровая - вся на деле и в беседах, вне нежности земных примет" /из письма Б.Пастернаку, 1922/

Памяти Т.Ф.Скрябиной, видимо, посвящен цикл "Бессоница", опубликованный в сб. Психея. Романтика. Берлин, 1923 год; однако до того отдельные стихотворения, составившие этот цикл, печатались врозь. Так, в "Верстах" 1 стихотворение "Сегодня ночью я одна в ночи" /3/, "После бессонной" /4/, "Нежно-нежно" /7/, "Черная как зрачок" /8/, "Кто спит по ночам" /9/, "Вот опять окно" /10/. Стихотворение "Памяти Т.Ф.Скрябиной", напечатанное здесь, в "Ремесле", войдет в этот цикл заключитель-

ным, под №11, без заглавия и посвящения.

/стр.27/ Разлука, цикл из 8 стихотворение. Посвящение Сереже - С.Эфрону, мужу, с которым М.Цветаева не виделась три года, после его ухода в 1917 году в Добровольческую армию белых. Этот цикл, опубликованный вместе с поэмой На красном коне /1921, январь/, посвященный Анне Ахматовой, в сборнике Разлука /Берлин, 1922/, вызвал восторженный отклик Андрея Белого, написавшего Цветаевой:

"...Позвольте мне высказать глубокое восхищение, перед совершенно крылатой мелодией Вашей книги "Разлука".

Я весь вечер читаю - почти вслух; и - почти распеваю. Давно я не имел такого эстетического наслаждения.

А в отношении к мелодике стиха, столь нужной после расклябанности Москвичей и мертвенности Акмеистов, - ваша книга первая / это безусловно/. /Письмо от 16 мая 1922 года/. Потом в разговоре он говорил автору: "...это не книга, а песня: голос, самый чистый из всех, которые я когда-либо слышал. Голос самой тоски..." /Цветаева, Пленный дух, в кн.:Проза,1953, стр. 318/.

В самом деле, ритмико-мелодическое разнообразие цикла "Разлука" /и поэмы "На Красном коне"/ необыкновенно, оно резко выделяется даже в русской поэзии начала 20х годов; достаточно присмотреться к четырехстопному амфибрахию стихотворения 3 с его необычными переносами, порождающими могучую динамику речи, с лексико-синтаксическими новообразованиями /как дерево-машет-рябина/, с подразумеванием важнейших существительных /стремит столбовая..., стремит журавлиный...

/стр. 37/ "Два зарева! - нет, зеркала!..." Стихотворение, посвященное поэту Михаилу Алексеевичу Кузмину /1870-1936/, содержит описание его глаз, которые названы рядом метафорически все более усложненных синонимов: два зарева, зеркала, два серафических /?/ жерла, два черных круга Обугленных, две черных славы, два жерла, два алмаза... и наконец, два смертных глаза. Развитие этих образов для поэтики Цветаевой весьма характерно. Глаза Кузмина произвели на нее сильное впечатление; в рассказе 1936 года о встрече с Кузминым в июне

1921 года читаем:

"...Над Петербургом стояла вьюга и в этой вьюге - неподвижно как две планеты - стояли глаза.

Стояли? Нет, шли. Завороженная, не замечаю, что сопутствующее им тело тронулось, и осознаю это только по безумной резе в глазах, точно мне в глазницы вогнали весь бинокль, краем в край...

...Глаза - больше ничего. Глаза и все остальное. Этого остального было мало: почти ничего." /"Нездешний вечер", в кн. Проза, 1953, стр. 271/.

В этом рассказе Цветаева перепечатала стихотворение "Два зарева...", заменив в строке 3 эпитет серафических на вулканических; надо полагать, что в тексте сб. "Ремесло" - ошибка.

К М. Кузмину Цветаева относилась с особенно родственным чувством; в письме к нему от июня 1921г. она написала, цитируя его же строку:

Вы так близки мне, так родны...

Вот каков контекст этой строки у Кузмина:

Вы так близки мне, так родны,

Что будто вы и не любимы.

Должно быть, так же холодны

В раю друг к другу серафимы.

И вольно я вздыхаю вновь.

Я-детски! - верю в совершенство.

Быть может, это не любовь...

Но так похоже на блаженство!

/стр. 38/ Вестнику

Видимо, это стихотворение обращено к И.Г. Эренбургу, который весной 1921 года уехал на Запад. "В 1921 году, уезжая в заграничную командировку, Эренбург обещал Марине разыскать ее мужа, к тому времени оказавшегося в эмиграции, передать ему наши письма, фотографии, ее последние стихи" /Ариадна Эфрон. Страницы воспоминаний. Изд. "Лев", 1979, стр. 84/. Сам Эренбург вспоминал: "Когда весной 1921 года я поехал

одним из первых советских граждан за границу, Цветаева попросила меня попытаться разыскать ее мужа. Мне удалось узнать, что С.Я.Эфрон жив и находится в Праге; я написал об этом Марине." /"Люди, годы, жизнь", Москва, 1961, стр. 372/.

/стр. 39-50/ Георгий

Посвящение Сергею Эфрону, который отождествлен с Георгием Победоносцем; в известном смысле этот цикл - продолжение сб. "Лебединая стая", в стихах которого восхвалялись подвиги Белой армии. Отсюда здесь подчеркивание белизны, окружающей героя / ...конь его - был - бел, Белейший конь, Белый дом/ и "лебединые" образы / О лотос мой! Лебедь моя! Лебедь! Олень мой!.../. Авторская ремарка в заключении цикла - "Не dokonчено за письмом" - связано с тем, что именно 1 июля 1921 года М. Цветаева получила первое за два года письмо от мужа, который писал: "...сегодня я получил письмо от Ильи Григорьевича, что вы живы и здоровы. Прочитав письмо, я пробродил весь день по городу, обезумев от радости...

...Наша встреча с вами была величайшим чудом, и еще большим чудом будет встреча грядущая..." /В книге: Ариадна Эфрон, Страницы воспоминаний, стр. 86-87/.

Однако существенно и то, что полугодом раньше /в январе 1921 / Цветаева написала поэму "На Красном коне", где воспевала неназванного ею Александра Блока, Георгия-Победоносца Революции, гениального автора "Двенадцати". Тот Георгий был на "красном коне", этот - на белом. Уже в эту пору - 1921 год - Цветаева была разочарована в своих "лебедях"; недаром она навсегда отказалась от публикации "Лебединого стана".

В статье "Нездешний вечер" Цветаева подчеркивала близость своего "Георгия" с поэмой /кантатой/ "Св.Георгий" /1917/ Мих.Кузмина - в сб. "Нездешние вечера" - в самом деле и формально, и по идеям ей близкое. Ср. в конце у Кузмина:

Чудищ морских вечный победитель,
Пленников бедных освободитель,
Белый Георгий!

Сладчайший Георгий,
Победительнейший Георгий,
Краснейший Георгий,
Слава тебе!

/стр.51-56/ Цикл Благая весть 1-5

Под "благой вестью" /ср. "Благовещенье"/ имеется в виду цитированное выше письмо Сергея Эфрона, полученное 1 июля, стихи цикла написаны между 2 и 7 июля, известие о том, что С.Эфрон "жив и здоров" было сообщено и ранее в письме Ильей Эренбургом /выше он назван "Вестником"/ - это письмо доставил Марине Цветаевой Б.Пастернак.

Стихотворение "Возвращение вождя", датированное 3^{им} июля, тематически примыкает к этому циклу, хотя и является подчеркнуто формальным экспериментом: только односложные слова, по два на строку, итого 16 строк - 32 слова; при этом трагический сюжет изложен с достаточной полнотой. Можно сказать, что это стихотворение подводит своеобразный итог Белому движению: оно окончилось печально, гибелью тех и других русских воинов, как всякая гражданская война, никому не приносящая славы; и вот остались только возвратившийся вождь и его конь; при этом

Конь - хром.

Меч - ржав...

/стр. 59 - 63/ Цикл Отрок, 1-4

Посвящение - Геликону, т.е. владельцу издательства "Геликон" в Берлине А.Г.Вишняку, с которым Цветаева подружилась в Берлине. И.Эренбург так пишет об издательстве "Геликон" и его владельце: "Горы, где обитали некогда музы, не оказалось; была маленькая контора на Якобитрассе, и там сидел молодой человек поэтического облика - А.Г.Вишняк. Он сразу подкупил меня своей любовью к искусству. Он издавал советских авторов и рассорился с эмиграцией" /Люди, годы, жизнь, т.П,М., 1963г., стр.30/. Впоследствии Вишняк и его жена погибли в Освенциме.

Первоначально цикл "Отрок" был посвящен Эмилию Миндлину, молодому человеку, нашедшему убежище в цветаевском доме с

весны до осени 1921 года. См. воспом. Эм. Миндлина, "Необыкновенные собеседники", М., 1968, который между прочим, рассказывает, что стих. 1 /восьмистишие/ родилось "из последней строки, вспыхнувшей в ее устах /.../, когда мы возвращались с ней от Волконских". Миндлин "шел как слепой, читая стихи, и, как слепой, налетел на дом". Цветаева сказала: "Налетаете на дома. Тесно вам в городе. А, в сущности, городские дома вас спасают, хоть вы и бьетесь о них. Вам в открытом месте нельзя - в небо ступиёте".

Пришли домой - она, только войдя, дочери без улыбки сообщила:

- Аля, Э.Л. опять чуть в самое небо не ступил.

А на другой день у печки прочла восьмистишие; последние две строчки его:

Остановись!

В небо ступнешь!

/стр. 51-52/

Второе стих. связано с тем, что Миндлин кричал во сне и пугал Марину и Алю, а 3 и 4 - с его любовью к топящейся печке, за которую Цветаева прозвала его "огнепоклонником". Стихи писались в течение 4х дней, на пятый Цветаева подарила Миндлину листок с надписью: "Вам о Вас, от меня". В сб. "Ремесло" восьмистишие отброшено вовсе, а 4ое стих. добавлено; Миндлин пишет: "...написала его, когда я жил у нее... Но в подаренный цикл "виноградник" не вписала..." /стр.75/.

/стр.63/ "Веками, веками..."

Стихотворение, примыкая к циклу "Отрок", продолжает ту же тему: безнадежная любовь - зрелой женщины к юноше, или, как в 3-4, христианки к еврею. Сивилла - по мифу - была награждена Фобом вечной жизнью; но - по Цветаевой - она забыла испросить вечную молодость; старея, она превратилась в ту самую пещеру, в которой пророчествовала /"Горбачусь - из серого камня - Сивилла"/.

/стр.64/ Отрывок из стихов к Ахматовой

Этот отрывок - из неизвестного стихотворения, посвященного Анне Ахматовой в трагические дни: 24 августа был расстрелян

Н.Гумилев, прежний муж Ахматовой, и до Москвы дошли слухи о ее самоубийстве или аресте. На другой день после стихов, датированных 30-м августа, Цветаева написала Анне Ахматовой письмо: "Все эти дни о Вас ходили мрачные слухи, с каждым часом все упорнее и неопровержимее"; и далее Цветаева пишет о трех ужасных днях: "Страшный сон: хочу проснуться и не могу. Я ко всем подходила в упор, вымаливала Вашу жизнь". /письмо от 31 августа 1921 в кн.: М.Цветаева, Неизданные письма, Париж, 1972, стр. 57-59/. Все это есталося за пределами "Отрывка", включенного в "Ремесло".

/стр. 65/ Маяковскому

В только что цитированном письме от 31 августа 1921 года Цветаева сообщает Ахматовой, что слухи о ее самоубийстве или аресте потрясли только одного из всех московских поэтов: "...единственным - с моего ведома - Вашим другом /друг-действитель! среди поэтов оказался Маяковский, с видом убитого быка бродивший по картонажу "Кафе поэтов". Убитый горем - у него, правда, был такой вид. Он же и дал через знакомых телеграмму с запросом о Вас, и ему я обязана радостью известия о Вас". /Неизд. письма, стр. 58/ А.Эфрон и А.Саакянц сообщают, что в 1923 году Цветаева на рукописи этого стихотворения приписала: "В благодарность за Ахматову", а в 1939 году посвящение формулировано так: "Владимиру Маяковскому, единственному из московских поэтов, беспокоившемуся проверить мнимую смерть Ахматовой" /Анна Ахматова, Избр. произ., М., 1965, Примечания А.Эфрон и А.Саакянц, стр. 745. Здесь же рассказана история отношений Цветаевой и Маяковского/. Для Цветаевой Маяковский был великим поэтом; во многом она была близка к нему и ощущала эту близость.

/стр. 66-73/ Цикл Ханский полон 1-4

Этот цикл из 4 стихотворений - первое свидетельство того, что Цветаева приняла решение о бегстве из России, оказавшейся под властью новых татарских ханов. /"Будет с меня Конская кость Хвать с татарвой. Спровождай, Столб верстовой!"/

/стр. 74/ "Семеро, семеро..."

Стихотворение, тоже связанное с решением эмигрировать и "сменить кожу" - начать новую жизнь. По народному поверью

змея за лето сбрасывает шкуру шесть раз и остается в седьмой.

/стр. 75/ "Блаженны дочерей твоих, Земля..."

Впоследствии, готовя сборник в 1940 г., Цветаева ввела это стихотворение в цикл "Афродите", снабдив его номером 1.

Цикл "Афродите" 1-3

В сборнике 1940 г. этот цикл состоял из 4 стихотворений /первым было предыдущее/.

/стр. 80/ С такою силой..."

Разлука - видимо, здесь имеется в виду решение об отъезде.

/стр. 81/ "Молодость моя!..."

В сборнике 1940 года это стихотворение было объединено с написанным двумя днями позже "Скоро уж из ласточек - в колдуньи" /стр.83/ в цикл под названием Молодость.

/стр.85/ "Так плыли: голова и лира..."

В сборнике 1940 года это стихотворение озаглавлено "Орфей". По мифу, вакханки растерзали Орфея и бросили его голову и лиру в реку Гебр. "...к острову тому" - Лесбос, родина Сафо. Для издания 1940 года в последней строке слово лесбиянки заменено на поселянки. Об интересе Цветаевой к этой стороне жизни - см. ее цикл "Подруга", посвященный Софии Парнок /1914-1916/ в кн. С.Парнок, Собрание стихотворений, Ардис-Анн Арбор, 1979, стр. 289-304, там же ст. С.Поляковой, стр.15 сл. Также - написанный Цветаевой по-французски эссе *Mon frère féminin, lettre à l'amazone, Mercure de France, P., 1979*, с послесловием Ghislaine Limont.

/стр. 86/ "Грудь женская! Души застывший вздох..."

Стихотворение, тематически примыкающее к предыдущему.

/стр. 89/ "Как по тем донским боям..."

Посвящение - Сергею Эфрону. Это стихотворение - антитеза "Ханскому полону"; там идет речь о бегстве из России, здесь - о тяжелой судьбе, если остаться во власти "новых татар": "...с тобою к стеночке".

/стр. 92/ "Необычайная она! Сверх сил!..."

Для сборника 1940 г. Цветаева озаглавила это стих. "Весть". Оно представляет собой как бы монолог архангела Гавриила, приносящего деве Марии "благую весть". В примечании к изд. 1965 г. Ар.Эфрон цитирует следующую запись Цветаевой,свя-

занную с этим стихотворением: "Линия Благовещения: Взгляд. Она: раскрытые глаза, ожидание... Он хочет сказать, поднимает глаза - остолбеневаает - она от взгляда потупляется, он сказал, она ничего не слышала. Линия движения: при виде его она встает с колен, он преклоняется. - Встреча глаз. - Она - ниц, - он - уже вестник - встает."

"Меж жен благословенна ты" - слова, с которыми Гавриил обратился к Марии.

Возможно, что стихотворение связано с циклом "Благая весть" и со стих. "Вестник"; в таком случае оно утверждает особые отношения, сложившиеся между Марией /Мариной/ и Вестником.

/стр. 93/ "Как начнут меня колеса..." Стихотворение, содержащее трагическое предчувствие поэтического онемения в эмиграции.

/стр. 94/ "Над синеморскою лоханью..."

Возможно, воспоминания о коктейльских встречах 1911-1917 годов. Десять лет назад /5 мая 1911 года/ Цветаева встрети-лась на черноморском побережье с С.Эфроном, с которым она обвенчалась в январе 1912 года. Напомним, что стихотворение датировано 12 декабря 1921 года.

/стр. 95/ Ахматовой

Это стихотворение - продолжение цикла из одиннадцати сти-хотворений / 1916/ "Муза", посвященного Ахматовой и опубли-кованного в сб. "Психея" /стр.81-88/. Уже там, в стих. 7 /"Ты, срывающая покров..."/, Ахматова была названа чернокниж-ницей; в том же стихотворении утверждается черный цвет, как наиболее близкий Ахматовой:

Вижу красные паруса
И один - между ними - черный.

В самом деле, черный - самый употребительный цветовой эпитет у Ахматовой: черный сон /1913-1918/, черный орел/1915/, черная язва /1920/, черный стыд /1917/, "Черной нищенкой скитаться" /1917/, "Черный, душный мед" /1917/ и мн. др. Отсюда у Цветаевой - Дни полночные твои, чернокосынька, чер-нокрылынька, чернокнижница.

"Один заживо ходил Как раздавленный" - имеется в виду Ни-

колай Владимирович Недоброво /1884-1919/, умерший в декабре 1919 года в Ялте от туберкулеза. "Другой к стеночке пошел..." - Н.С.Гумилев, расстрелянный 24 августа 1921 года. Не загла- дить тех могил Слезой, славю... Сама Ахматова в октябре 1921 года писала: "Я гибель наклিকала мильям, И гибли один за другим. О, горе мне! Эти могилы Предсказаны словом моим..." Знать, в два перышка тебе... Возможно, речь идет о настоячи- вых приглашениях Ахматовой за границу от ее эмигрировавших друзей.

В письме от 26 апреля 1921 года Цветаева сообщила Ахмато- вой: "Готовлю еще книжечку "Современникам", - стихи Вам, Бло- ку, Волконскому". Этот сборник не состоялся, но стих. Ахмато- вой, вероятно, предназначалось для него. "Вы мой самый люби- мый поэт", писала Цветаева в том же письме. См. так же в очер- ке "Нездешний вечер" /1936/. Встреча обеих поэтесс имела мес- то лишь в 1940 г.

/стр. 97-100/ Москве

Цикл из двух стихотворений. Шесть лет назад Цветаева посвя- тила Москве цикл из 9 стихотворений "Стихи о Москве" /во- шел в сборник "Версты", до того был опубликован в "Северных Записках", 1917 год, №1 - кроме №5, иронического по отноше- нию к царям/. Новые стихи "Москве" содержат полемику Цвета- евой с самой собой, со своими стихами 1916 года: "Первород- ство - не сиротство! Не спокаюсь..." и т. д. В строфе 18 имеются в виду могилы революционеров на Красной площади /"...не за гривну!"/. Цветаева не сочувствует их идеям, но полна уважения к их подвигу. Иверская мати - часовня Ивер- ской Божьей матери стояла близ Кремля; в стихах 1916 года она упоминается дважды, - "А вон за тою дверцей, Куда народ валит, - там Иверское сердце, Червонное горит" /стих.8/.

Второе стихотворение развивает строфы 7-9 первого, и развер- тывает мысль о революционерах: "Тоже праведники были, - не за гривну!..."

Цветаева окончила 1921 год стихами, полными высокой тер- пимости, стоящими выше партийной вражды:

Тайная страсть моя,
Гнев мой явный -

Спи,
Враг!

/стр. 101/ Новогодняя

Посвящение - Сергею Эфрону. Строфа 7 - ... исчез старик.
Имеется в виду 1921 год. Этот застольный гимн еще содержит
некоторые намеки на доблесть белых, "Добровольная дань,
Здравствуй, добрая брань ..."/, но весьма смутные, замаскиро-
ванные.

/стр. 103/ Новогодняя /вторая/

То же посвящение.

Столь же смутные намеки на образность Лебединого стана в
строфах 1,7 /Тоска лебединая, В очах твоих Дон ночевал/ и 8.

/стр. 105/ "Каменногрудый..."

Стихотворение о роке, уравнивающим всех людей /"Никаких
Высочеств!"/: это тот деспот, который губит, среди прочих
людей, и Пушкина /убитого тираническим самодержавием/ и Шенье
/убитого тиранической революцией/. Напомним, что французский
поэт Андре Шенье в 1794 г. был гильотинирован якобы за учас-
тие в роялистском заговоре.

/стр. 106/ Алексею Александровичу Чаброву. "Не ревновать
и не клясть..."

Стих. посвящено А.А. Подгаецкому-Чаброву /1888-1935?/,
актеру и музыканту, которого Ар.Эфрон называет "незабываемым
арлекином из Покрывала Пьеретты, человеком мятушимся, вос-
торженным, неуравновешенным. Ему Марина посвятила в 20 -ые
годы свою поэму "Переулочки", за негасимость его смятенности
и за то, что в такое бесподарочное время он - однажды - пода-
рил ей розу". /Страницы воспоминаний, стр.42/ Сама Цветаева
в письме к Эренбургу /март 1921/: "Чабров - мой приятель:
умный, острый, впивающийся в комический бок вещей... прекрас-
но понимающий стихи, очень причудливый, любящий всегда са-
мое неожиданное и всегда до страсти! Друг покойного Скрябина".
/цит. там же, стр.77/ Позднее, во Франции, А.А. Чабров при-
нял католичество и стал священником на Корсике. Эм. Миндлин
передает рассказ Ар.Эфрон: "В 30-ые годы разыскал нас, при-
ехал в Париж, раза 2-3 приходил в бедной потрепанной су-

тане, с тонзурой на темячке и ... все такой же" /Эм.Миндлин. Необыкновенные собеседники, стр. 72/.

В письме О.Е.Чарновой в Париж от 6 XI 1924 г. Цветаева просила: "Непременно опишите мне встречу с Чабровым и, если доведется покажите ему "Переулочки" в "Ремесле". Он наверное не видел посвящения!"

/стр. 107/ "По нагориям..."

В Избр. произв. 1965 разночтение: в строфе 5 вместо речь - путь /исправлено по рукописи/. Это стихотворение об отъезде в эмиграцию /"В край без праотцев"/, но и, одновременно, о предстоящем поэту пути в будущее /"...поверх Внуков - к пра-внукам"/.

/стр. 109/ "Не похорошела за годы разлуки..."

Посвящение - Сергею Эфрону, в ожидании предстоящей встречи.

/стр. 110/ "Верстами врозь разлетаются брови ..."

Судя по словам о "белом деле", примыкает к предшествующему.

/стр. 111-112/ Посмертный марш

Третье из того же /необозначенного/ цикла: окончательное признание гибели "белого дела" /"Добровольчество! Кончен бал!..."/.

/стр. 113/ "Завораживающая! Крест..."

Другой аспект той же темы: разочарование.

/стр. 114-115/

Два стихотворения, объединенные темой Соловья-разбойника, - попытка понять справедливость народного бунта.

/стр. 117/ Дочь Иаира

Иаир - по Евангелию, иудей из Капернаума, дочь которого воскресил Иисус.

/стр. 122-124/

Эти два стихотворения, как и несколько предыдущих, - о судьбе России и трагедии гражданской войны. Последнее - "Сомкнутым строем" - завершающий плач по белому движению и последний приговор ненависти, одушевляющей братоубийственные схватки, между тем как "сын - раз в крови"; то-есть, проливший кровь за свою страну - сын ее, он "Собственным телом

отдал за всех".

/стр. 125-146/ Сугробы

Цикл из одиннадцати /нечисленных/ стихотворений, посвященный Эренбургу. Отношения Цветаевой с Эренбургом были сложными; об этом можно судить и по стих. Вестник /см. выше/, и по надписи, которую Цветаева сделала Эренбургу на книге "Разлука" : "Вам, чья дружба мне далась дороже любой вражды и чья вражда мне дороже любой дружбы. Эренбургу от Марины Цветаевой. Берлин, 29 мая 1922" /см. Эренбург, Люди, годы, жизнь, т.1, М., 1961, стр.372/. По словам самой Цветаевой, Эренбург требовал от нее простоты и прямоты, отказа от "романтической бутафории". Он считал ее русскую "Вандею" - "книжной выдумкой, нелепой романтикой, за которую Марина расплатилась своей искалеченной, груднейшей жизнью" /там же, стр. 371/; он позднее, в Берлине, отговорил ее от публикации сборника "Лебединый стан", прославляющего белое движение; впрочем, Цветаева и ранее /это видно по янв. и февр. стихотворениям 1922 из "Ремесла" / поняла и обреченность белых, и губительность братоубийственной ненависти. Это настроение и поддержал в ней Сергей Эфрон; по словам Эренбурга, "Лебеди в его рассказах выглядели воронами" / там же, стр. 372/. Посвящение Эренбургу цикла "Сугробы" также и знак благодарности "вестнику", нашедшему для Цветаевой ее, казалось бы, пропавшего мужа и помогающему им обоим обрести друг друга.

/стр. 147/ Переулочки

Посвящено А.А. Подгаецкому-Чаброву - см. примеч. к стр.106
Смысл поэмы темен, Цветаева сама писала Пастернаку: "Фабула /связь/ ни до кого не доходит, - только до одного дошла: Чаброва, кому и посвятила, но у него дважды было воспаление мозга! Для меня вещь ясна, как день, все сказано. Другие слышат только шум, и это для меня оскорбительно. Это, пожалуй, моя любимая вещь, написанная, мне нужно и важно знать, как - Вам. Доходят ли все три царства и последний соблазн? Ясна ли грубая бытовая развязка?" /письмо Пастернаку от 10 мая 1923 года в кн.: Неизданные письма, 1972, стр.289/ Другое объяснение поэмы см. в письме Цветаевой к Ю.Иваску от 11 ноября

1935 - в ответ на его просьбу растолковать загадочный текст; это, писала она, повесть об искушении души - высотой. Позднее, в письме от 25 января 1937 года - подробнее: Цветаева ссылается на былину о Маринке, которая живет в улице Игнатьевской и превращает юношей в туров... "Лейтмотив - искушение, сперва "яблочком", потом радугой, огненной бездной, наконец - седьмым небом" /см. выше мою статью "Путь к России"/.

В однотомнике Марины Цветаевой 1965 года /Москва, Библиотека поэта, большая серия/ из 105 пьес сборника "Ремесло" опубликовано лишь 35, то-есть одна треть. В оглавлении мы звездочками отмечаем те вещи, с которыми советский читатель знаком по этому изданию

МАРИНА ЦВѢТАЕВА

РЕМЕСЛО

КНИГА СТИХОВЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Г Е Л И К О Н Ъ

МОСКВА / БЕРЛИНЪ

1

9

2

3

Эта книга отпечатана въ 1923 году
въ типографіи „Буква“ С. п. в. Н.
для книгоиздательства „Геликонъ“

Р Е М Е С Л О

У Ч Е Н И К Ъ

1

Быть мальчикомъ твоимъ свѣтлоголовымъ,
— О, черезъ всѣ вѣка! —
За пыльнымъ пурпуромъ твоимъ брести въ суровомъ
Плащѣ ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гуцу
Твой вздохъ животворящъ
Душой, дыханіемъ твоимъ живущей,
Какъ дуновеньемъ — плащъ.

Побѣдоноснѣ Царя Давида
Чернь раздвигать плечомъ.
Отъ всѣхъ обидъ, отъ всей земной обиды
Служить тебѣ плащомъ.

Быть между спящими учениками
Тѣмъ, кто во снѣ — не спитъ.
При первомъ черню занесенномъ камнѣ
Уже не плащъ — а щитъ!

(О, этотъ стихъ не самовольно прерванъ!
Ножъ черезчуръ остеръ!)
И — вдохновенно улыбнувшись — первымъ
Взойти на твой костеръ.

Москва, 2-го русск. апрѣля 1921 г.

Есть нѣкій часъ — какъ сброшенная кляжа:
 Когда въ себѣ гордыню укротимъ.
 Часъ ученичества, онъ въ жизни каждой
 Торжественно - неотвратимъ.

Высокій часъ, когда сложивъ оружье
 Къ ногамъ указаннаго намъ — Перетомъ,
 Мы пурпуръ Воина на мѣхъ верблюжій
 Сгѣняемъ на песокъ морскомъ.

О этотъ часъ на подвигъ насъ — какъ Голосъ
 Вдвѣмающій изъ своеволья дней!
 О этотъ часъ, когда какъ спѣлый колосъ
 Мы клонимся отъ тяжести своей.

И колосъ выросъ, и часъ веселый пробилъ,
 И жернововъ возжаждало зерно.
 Законъ! Законъ! Еще въ земной утробѣ
 Мною вождѣнное ярмо.

Часъ ученичества! Но зримъ и вѣдомъ
 Другой намъ свѣтъ, — еще заря зажглась.
 Благословенъ ему грядущій слѣдомъ
 Ты — одиночества верховный часъ!

2-го апрѣля.

Солнце Вечера — добрѣе
 Солнца въ полдень.
 Наувѣрствуетъ — не грѣетъ
 Солнце въ полдень.

Отрѣшеннѣе и кротче
 Солнце — къ ночи.
 Умудренное, не хочетъ
 Бить намъ въ очи.

Простотой своей — тревожа —
 Королевской,
 Солнце Вечера — дороже
 Пѣсногѣвцу!

—

Распинаемое тьмой
 Ежевечерне,
 Солнце Вечера — не кланяется
 Черни.

Низвергаемый съ престола
 Вспомни — Феба!
 Низвергаемый — не долу
 Смотритъ — въ небо!

О, не медли на сосѣдней
 Колокольнѣ!
 Быть хочу твоей послѣдней
 Колокольней.

3-го апрѣля.

Пало прениже волнъ
Бремя дневное.
Тихо взошли на холмъ
Вѣчные — двое.

Тѣсно — плечо съ плечомъ —
Встали въ молчаньѣ.
Два — подъ однимъ плащомъ —
Ходятъ дыканья.

Завтрашнихъ спящихъ войскъ
Вождь — и вчерашнихъ,
Молча стоятъ двойной
Черною башней

Змія мудрѣй стоятъ,
Голубя кротче.
— Отче, возьми въ назадъ,
Въ жизнь` свою, отче!

Черезъ все небо — дымъ
Вонистъ Господнихъ.
Борется плащъ, двойнымъ
Вздохомъ приподнять.

Ревностью взоръ разъять,
Молить и ропцеть . . .
— Отче, возьми въ закатъ,
Въ ночь свою, отче!

Празднуя ночи входъ
Дышать пустыни.
Тяжко — какъ спѣлый плодъ —
Падаетъ: — Сыне!

Смогло въ своемъ хлѣву
Стадо людское.
На золотомъ холму
Двое — въ покоѣ.

6-го апрѣля.

Былъ часъ чудотворенъ и полнъ,
 Какъ древнія были.
 Я помню — бокъ о бокъ — на холмъ,
 Я помню — всходили . . .

Ручьевъ ниспадающихъ рѣчь
 Сплеталась предивно
 Съ плащомъ, ниспадающимъ съ плечь
 Волной неизбывной.

Все выше, все выше — высоту
 Последнее злато.
 Сновидческій голосъ: Восходъ
 Навстрѣчу Завату.

8-го апрѣля.

Все великолѣнье
Трубъ — лишь только лепеть
Травъ — передъ Тобой.

Все великолѣнье
Бурь — лишь только щebetъ
Птиць — передъ Тобой.

Все великолѣнье
Крыль — лишь только трепеть
Вѣвъ — передъ Тобой.

10-го апрѣля.

По холмамъ — круглымъ и смуглымъ,
Подъ лучемъ — сильнымъ и пыльнымъ,
Сапожкомъ — робкимъ и кроткимъ —
За плащомъ — рдянымъ и рванымъ.

По пескамъ — жаднымъ и ржавымъ,
Подъ лучемъ — жгущимъ и пьющимъ,
Сапожкомъ — робкимъ и кроткимъ —
За плащомъ — слѣдомъ и слѣдомъ.

По волнамъ — лютымъ и вздутымъ,
Подъ лучемъ — гнѣвнымъ и древнимъ,
Сапожкомъ — робкимъ и кроткимъ —
За плащомъ — лгущимъ и лгущимъ . . .

12-го апрѣля.

КН. С. М. ВОЛКОНСКОМУ

Стальная выправка хребта
И вороненой стали волосъ.
И чудодѣйственный — слегка —
Чуть прикасающійся голосъ.

Какое-то скольженье вдоль —
Ввысь — безъ малѣйшаго нажима . . .
О духъ неуловимый — столь
Являщій — сколь неуязвимый!

Земли не чующій, ничей,
О безучастіе, съ которымъ
— Сіятельный — лишь тѣнь вещей
Слѣдишь высокоомѣрнымъ взоромъ.

Въ мигъ отрывающійся — весь!
Въ ладъ дышашій — съ одной вселенной!
Всегда отсутствующій вдѣсь,
Чтобъ тамъ присутствовать безсмѣнно.

Май.

На што миѣ облака и степи
И вся подсолнечная ширь!
Я рабъ, свои възлюбившій цѣпи,
Благословляющій Сибирь.

Эй вы, обратные по трахту!
Поклонъ великимъ городамъ.
Свою застѣночную шахту
За всю свободу не продамъ.

Поклонъ тебѣ, градъ Божій, Кіевъ!
Поклонъ, престольная Москва!
Поклонъ, мои дѣла мірскія!
Я сынъ, не помнящій родства . . .

Не встанеть — любоваться розью
Покойникъ, възлюбившій гробъ.
Заворожилъ отъ свѣта Божья
Меня верховный рудокопъ.

20-го апрѣля.

Душа, не знающая мѣры,
Душа хлыста и изувѣра,
Тоскующая по бичу.
Душа — навстрѣчу палачу,
Какъ бабочка изъ кризалиды!
Душа, не съѣвшая обиды,
Что больше колдуновъ не жгутъ.
Какъ смоляной высокій жгутъ
Дымящая подъ власницей . . .
Скрежещущая еретница,
— Саванароловой сестра —
Душа, достойная костра!

27-го апрѣля.

**О первое солнце надъ первымъ лбомъ!
И эти — на солнце прямо —
Дымящіе — чернымъ двойнымъ жерломъ —
Большіе глаза Адама.**

**О первая ревность, о первый ядъ
Змѣиный — подъ грудью лѣвой!
Въ высокое небо вперенный взглядъ:
Адамъ, проглядѣвшій Еву!**

**Врожденная рана высокихъ душъ,
О Зависть моя! О Ревность!
О всѣхъ мнѣ Адамовъ затмившій Мужъ:
Крылатое солнце древнихъ!**

27- апрѣля.

**Косматая звѣзда,
Спѣшащая въ никуда
Изъ страшнаго ниготкуда.
Между прочихъ овецъ приблуда,
Въ златорунныя тѣ стада
Налетающая, какъ Ревность —
Волосатая звѣзда древнихъ!**

27-го апрѣля.

МАРИНА

1

Быть голубкой его орляной!
Больше матери быть, — Мариной!
Вѣстовымъ — часовымъ — гонцомъ —

Знаменосцемъ — льстецомъ придворнымъ!
Серафимомъ и песомъ дозорнымъ
Охранять непокойный сонъ.

Сальныхъ картъ захвативъ колоду,
Ногу въ стремя! — сквозь огонь и воду!
Гдѣ верхомъ — гдѣ полземъ — гдѣ вилавъ!

Тростникомъ — ивнякомъ — болотомъ,
А гдѣ конь не беретъ, — тамъ лѣтомъ,
Всѣ вѣтра полонивши въ плащъ!

Чернымъ вихремъ летя беззвучнымъ
Не подругою быть — сподручнымъ!
Не единою быть — вторымъ!

Близнецомъ — двойникомъ — крестовымъ
Стройнымъ братомъ, огнемъ костровымъ,
Ятаганомъ его кривымъ.

Гуль кремлевскихъ гостей незваныхъ.
Если имя твое — Басмановъ,
Отстранись. — Уступи любви!

Распахнула платокъ нагрудный.
— Руки настезь! — Чтобъ въ день свой судный
Не въ басмановской всталъ крови.

28-го апрѣля.

Тремъ Самозванцамъ жена,
 Мышка надменнаго дочь,
 Ты — гордецу своему
 Не родившая сына . . .

Въ простоволосости сна
 Въ гудкій оконный пролетъ
 Ты гордецу своему
 Не махнувшая слѣдомъ.

На роковой площади
 Отъ оплеухъ и плевковъ
 Ты гордеца своего
 Не покрывшая тѣломъ.

Въ маскѣ дурацкой лежалъ,
 Съ дудкой кровавой во рту.
 — Ты, гордецу своему
 Не отершая пота . . .

— Своекорыстная кровь!
 Проклята, проклята будь
 Ты — Лжедмитрію смогшая быть Лжемаршій!

28-го апрѣля.

— Сердца, намѣна!
— Но не разлука!
И воровскую смуглую руку
Къ бѣлымъ губамъ.

Краткая встряска костей о пилты.
— Гришка! — Дмитрій!

Цареубійцы! Пескровъ холоныя!
И — повтореннымъ прыжкомъ —
На копыя!

28-го апрѣля.

— Грудь Ваша благоуханна,
 Какъ розмариновый ларчикъ . . .
 Ясновельможна панна . . .
 — Мой молодой господарчикъ . . .

— Чѣмъ заплачу за щедроты:
 Темень, негромокъ, непризнанъ . . .
 Изъ-подъ рѣсничнаго валету
 Что-то отвѣтило: — Жизнью!

Въ каждомъ пришельцѣ гонимомъ
 Пану мы Іезусу — служимъ . . .
 Мнетъ въ замѣшательствѣ мнимомъ
 Гореть неподдѣльныхъ жемчужинъ.

Перлы разсыпались, — слезы!
 Каждой рѣсницей нацѣлясь
 Смотрить, какъ въ прахѣ елоая
 Ихъ подбираетъ пришелець.

30-го апрѣля.

**Какъ разгораются — какимъ валежникомъ!
На площадяхъ ночныхъ — святыни кровныя!
Предъ самозванческимъ указомъ Нѣжности —
Что наши доблести и родословныя!**

**Съ какой торжественною постепенностью
Спадають выпрепныя обветшалости!
О наши прадѣдовы драгоценности
Подъ самозванческимъ ударомъ Жалости!**

**А проще: лобъ склонивши въ глубь ладонную,
Въ сознаньи низости и неизбѣжности —
Внизъ по отлогому — по неуклонному —
Неумолимому наклону Нѣжности . . .**

Май.

ПАМЯТИ Т. О. СКРЯБИНОЙ, —
стихи, написанные ей еще при жизни.

Бессонница! Другъ мой!
Опять твою руку
Съ протянутымъ кубкомъ
Встрѣчаю въ беззвучно-
Звонящей ночи.

— Прельстись!
Пригубь!
Не высь,
А въ глубь.
Веду . . .
Губами приголубь . . .
Голубка! — Другъ!
Пригубь.
Прельстись!
Испей!
Отъ всѣхъ страстей —
Устой,
Отъ всѣхъ вѣстей —
Покой.
— Подруга! —
Удостой.
Раздвинь уста!
Всей нѣгой устъ
Рѣзаного кубка край
Возьми —
Втяни,
Глотни:
— Не будь. —

О другъ! Не обезсудь.
Прельстись!
Испей!
Изъ всѣхъ страстей
Страстнѣйшая, изъ всѣхъ смертей
Нѣжнѣйшая . . . Изъ двухъ горстей
Можь — прельстись! — испей.

Миръ бѣзъ вѣсти пропалъ. — Въ нигдѣ
Затопленные берега.
— Пей, ласточка моя! — На днѣ
Растопленные жемчуга . . .

Ты море пьешь,
Ты зори пьешь.
Съ какимъ любовникомъ кутежъ
Съ момъ
— Дитя —
Сравнимъ?

А если спросятъ (научу!)
Что, дескать, щечки не свѣжи, —
Съ Безсонницей кучу — скажи —
Съ Безсонницей кучу . . .

Май.

Р А З Л У К А

Сережѣ

1

Башенный бой
Гдѣ-то въ Кремлѣ.
Гдѣ на землѣ,
Гдѣ —

Крѣпость моя,
Кротость моя,
Доблесть моя,
Святость моя.

Башенный бой.
Брошенный бой.
Гдѣ на землѣ —
Мой
Домъ,
Мой — сонъ,
Мой — смѣхъ,
Мой — свѣтъ,
Узкихъ подошвъ — слѣдъ.

Точно рукой
Сброшенный въ ночь —
Бой.

— Брошенный мой!

Май.

Уроненныя такъ давно
Вадымаю руки.
Въ пустое черное окно
Пустыя руки
Бросаю въ полуночный бой
Часовъ, — домой
Хочу! — Вотъ такъ: внизъ головой
— Съ башни! — Домой!

Не о булыжники площадной:
Въ шепотъ и шелестъ . . .
Мнѣ нѣкій Воинъ молодой
Крыло подстелеть.

Май.

Все круче, все круче
 Заламывать руки!
 Межь нами не версты
 Земных, — разлуки
 Небесных рѣки, лазурных земли,
 Гдѣ другъ мой навѣки уже —
 Неотъемлемъ.

Стремить столбовая
 Въ серебряныхъ сбруяхъ.
 Я рукъ не дожаю!
 Я только таяу ихъ
 — Безъ звука! —
 Какъ дерево-машеть-рябина
 Въ разлуку,
 Во слѣдъ журавлиному клину.

Стремить журавлиный,
 Стремить безоглядно.
 Я спѣси не сбавлю!
 Я въ смерти — нарядной
 Пребуду — твоей быстротѣ златоперой
 Последней опорой
 Въ потеряхъ простора!

Июнь.

Смуглой оливой
 Скрой изголовье.
 Боги ревнивы
 Къ смертной любви.

Каждый имъ шелестъ
 Внятенъ и порошокъ.
 Знай, не тебѣ лишь
 Юноша дорогъ.

Роскошью майской
 Кто-то разгнѣванъ.
 Остерегайся
 Зоркаго неба.

—

Думаешь — скалы
 Манять, утесы,
 Думаешь, славы
 Мѣдногосый

Зовъ его — въ гущу,
 Грудью на коня?
 Валъ встающій
 — Думаешь — топить?

Дольнее жало
 — Вѣришь — вонзилось?
 Пуще опалы —
 Царская милость!

Плачешь, что поздно
Бродить въ низинахъ.
Не земнородныхъ
Бойся, — незримыхъ!

Каждый имъ волосъ
Вѣдомъ на гребнѣ.
Тысячеюки
Боги, какъ древле.

Бойся не тины, —
Тверди небесной!
Ненасытимо —
Сердце Зевеса!

12-го юня.

Тихонько
Рукой осторожной и топкой
Распутая путы:
Рученки — и ржанью
Послушная, зашелеститъ амазонка
По звонкимъ, пустымъ ступенямъ разставанья.

Топочеть и ржать
Въ осіянномъ пролетѣ
Крылатый. — Въ глаза — помыханье разсвѣта.
Рученки, рученки!
Напрасно зовете:
Межъ нами — струистая лѣстница Леты.

14-го іюня.

Съдой — не увидишь,
 Большимъ — не увижу.
 Изъ глазъ неподвижныхъ
 Слезинки не выжмешь.

На всю твою муку,
 Раззоръ — плачь:
 — Брось руку!
 Оставь плащъ!

Въ безстрастїи
 Каменноокой камен,
 Въ дверяхъ не помедлю,
 Какъ матери медлятъ:

(Всей тяжестью крови,
 Колѣнъ, глазъ —
 Въ послѣдній земной
 Разъ!)

Не вѣдущимся перешибленнымъ звѣремъ, —
 Нѣтъ, каменной глыбою
 Выйду изъ двери —
 Изъ жнани. — О чемъ же
 Слезамъ течь,
 Разъ — камень съ твоихъ
 Плечь!

Не камень! — Уже
 Широкою орлиною —
 Плащъ! — и уже по лазурнымъ стремнинамъ
 Въ тотъ градъ осіянный,
 Куда — ваять
 Не смѣетъ дитя
 Мать.

15-го іюня.

Росткомъ серебрянымъ
Рванулся ввысь.
Чтобъ не узрѣлъ его
Зевесъ —
Молись!

При первомъ шелестѣ
Страшнись и стой.
Ревнивы къ прелести
Они мужской.

Звѣрною челюсти
Страшнѣй — ихъ зовѣ.
Ревниво къ прелести
Гнѣздо боговъ.

Цвѣтами, лаврами
Заманятъ ввысь.
Чтобъ не избралъ его
Зевесъ —
Молись!

Все небо въ грохотѣ
Орлиныхъ крылъ.
Всей грудью грохайся —
Чтобъ не сокрытъ.

Въ орлиномъ грохотѣ
— О клювъ! О кровь! —
Ягненокъ крохотный
Повнесъ — Любовь . . .

Простоволосая,
Всей грудью — ницъ . . .
Чтобъ не вознесъ его
Завесъ —
Молнесь!

16-го іюня.

Я знаю, я знаю,
 Что прелесть земная,
 Что эта рѣзная,
 Прелестная чаша —
 Не болѣе наша,
 Чѣмъ воздухъ,
 Чѣмъ звѣзды,
 Чѣмъ гнѣзда,
 Повисшія въ зоряхъ.

Я знаю, я знаю
 Кто чашѣ — хозяинъ!
 Но легкую ногу впередъ — башней
 Въ орляную высь!
 И крыломъ — чашу
 Отъ грозныхъ и розовыхъ устъ —
 Бога!

17-го іюня.

М. А. Кузьмину.

Два зарева! — нѣтъ, зеркала!
Нѣтъ, два недуга!
Два серафическихъ жерла,
Два черныхъ круга

Обугленныхъ — изъ льда зеркаль,
Съ плитъ тротуарныхъ,
Черезъ тысячeverстыя залы
Дышать — полярныхъ.

Ужасные! Пламень и мракъ!
Двѣ черныхъ ямы.
Безсонные мальчишки — такъ —
Въ больницахъ: Мама!

Страхъ и укоръ, ахъ и аминь . . .
Взмахъ величавый . . .
Надъ каменностію простынь —
Двѣ черныхъ славы.

Такъ знайте же, что рѣки — вспять,
Что камни — помнить!
Что ужъ опять они, опять
Въ лучахъ огромныхъ

Встаютъ — два солнца, два жерла,
— Нѣтъ, два алмаза! —
Подземной бездны зеркала:
Два смертныхъ глаза.

19-20 июня.

В Ъ С Т Н И К У

Скрежешутъ яворныя звенья,
Впередъ, крылатое жилье!
Покрѣпче чѣмъ благословенье
Съ тобой — вѣліе мое!

Мужайся, корабельщикъ юный!
Впередъ въ лазоревую розь!
Ты больше не жали Фортуны —
Ты сердце Цезаря везешь!

Смирить лазоревую ярость
Рѣениць моихъ — единый взмахъ!
Дыханіемъ надуть твой парусъ
И не нуждается въ вѣтрахъ!

Обвѣтренныя руки стиснувъ,
Слѣжу. — Не вѣрь глазамъ! — Все ложь!
Доподлинный и рукописный
Приказъ Монархини везешь.

Два слова, звонкія какъ шпоры,
Двѣ птицы въ боевомъ грому.
То зовъ мой — тысяча который? —
Къ единственному одному.

Въ страну, гдѣ солнце правосудья
Одно для нищихъ и вельможъ
— Между рубахою и грудью —
Ты сердце Матери везешь.

20-го іюня.

Г Е О Р Г И Й

С. Э.

1

Рѣсницы, рѣсницы,
Склоненныя ницѣ.
Стыдливостію рѣсницѣ
Затменныя — солнца въ вѣщѣ стрѣль!
— Сколь грозенъ и сколь ясенъ! —
И плацъ его — былъ — красенъ,
И конь его — былъ — бѣлъ.

Смущается Всадникъ,
Гордится конь.
На дохлаго гада
Бѣгѣйшій конь
Взираетъ въ полоборота.
Въ полъока широкаго
Велѣдъ конью
Въ нать красную — дико раздуть ноздрю —
Раскосостью огнеокой.

Смущается Всадникъ,
Снисходитъ конь.
Издыхаюга гада
Дрянную кровь
— Янтарную — легкимъ скокомъ
Минуеть, — янтарная кровь течеть.
Ванесеннымъ копытомъ застывъ — съ высотъ
Лебединаго поворота.

Безропотенъ Всадникъ,
А конь брезгливъ.
Гремучаго гада
Копьемъ прозвивъ —
Сколь скромнѣ и сколь томенъ!
Въ вѣтрахъ — высокѣ — сѣдлецо твое,
Рѣчной осокой — копыцецо твое
Вотъ-вотъ запоеть въ восковыхъ перетахъ
У розовыхъ усть
Подъ прикрытьемъ стрѣлъ
Рѣсничныхъ,
Вспоеть, вскличеть.
— О страшная тяжесть
Свершенныхъ дѣлъ!
И плащъ его красенъ,
И конь его бѣлъ.

Любезнаго Всадника,
Конь, блюди!
У нѣжнаго Всадника
Боль въ груди.
Рѣсницами жемчугъ нижетъ . . .
Святая иконка — лицо твое,
Закатнымъ лучемъ — копыцецо твое
Изъ длинныхъ перстовъ брызжетъ.
Иль лучъ пурпуровый
Коситъ копыемъ?

Иль красная туча
Взмелась плащомъ?
За красною тучею —
Бѣлый домъ.
Тамъ впусать
Вдвоемъ
Съ конемъ.

Склоняется Всадникъ,
Дыбится конь.
Все слабже вокругъ копыца ладонь.
Вотъ-вотъ не снесетъ Побѣды!
— Колеблется — никнетъ — и веждъ вошью
Въ янтарную лужу — вослѣдъ копыю
Скользнувшему.
— Басенный взмахъ
Стрѣлъ . . .

Плащъ красенъ, конь бѣлъ.

26-го іюня.

О тяжесть удачи!
 Обида Побѣды!
 Георгій, ты плачешь,
 Ты красною дѣвой
 Блѣднѣешь надъ дѣломъ
 Своихъ двухъ
 Внезапно-чужихъ
 Рукъ.

Конь брезгуетъ Гадомъ,
 Ты брезгуешь гласомъ
 Побѣднымъ. — Тяжелымъ смарагдовымъ масломъ
 Стекаетъ кровица.
 Драконъ спитъ.
 На всю свою жизнь
 Сытъ.

Взлетѣвшею гривой
 Затменное солнце.
 Стыдливости дѣтской
 Съ гордынею конской
 Союзъ.
 Изъ сѣдла —
 Въ небеса —
 Кустъ.
 Брезгливая грусть
 Усть.

Конь брезгуеть Гадомя,
Ты брезгуешь даромъ
Царевымъ, — ея подвѣчнымъ пожаромъ.
Церковною ладанной:
Строгъ — скупъ —
Въ безжалостный
Ревъ
Трубъ.

Трубите! Трубите!
Ужъ слушать недолго.
Ужъ нѣжный тростникъ побѣдительный — долу.
Дотрубленный долу
Поникъ. — Смолкъ.
И облачный — ввысь! —
Столбъ.

Клонитесь, клонитесь,
Послушныя травы!
Зардѣвшійся подъ оплеухою славы —
Блѣднѣть. — Домой, трубачи! — Спать.
До судной трубы —
Сытъ.

28-го іюня.

Синія вереты
И зарева горнія!
Побѣдоноснаго
Славьте — Георгія!

Славьте, жемчужныя
Грозди полуночи,
Дивнаго мужа,
Пречистаго юношу:

Огненный плащъ его,
Посвѣтъ копыя его,
Кровокипящаго
Славьте — коня его!

—

Зычныя мачты
И слободы орлія!
Громокипящаго
Славьте — Георгія!

Солнцеподобнаго
Въ силѣ и въ кротости
Доблесть изъ доблестей,
Роскошь изъ роскошей:

Башенный ростъ его,
Посвѣтъ копыя его,
Молніехвостаго
Славьте — коня его!

Львиные вѣтры
И глыбы соборныя!
Великолѣпнаго
Славьте — Георгія!

Змѣя проназившаго,
Смерть побѣдившаго,
Въ домъ Госпожи своей
Коннымъ — вступившаго!

Зычный разгонъ его,
Посвистъ коня его,
Преображеннаго
Славьте — коня его!

Льстивыя мвы
И травы поклонныя,
Вольнолюбиваго,
Узорѣшеннаго

Юношу — славьте,
Юношу — плачьте . . .
Вотъ онъ, что розанъ
Райскій — на травкѣ:

Розовый ротъ свой
На двѣ половиночки —
Побѣдоносець,
Побѣды не вынесшій.

28-го июня.

Изъ облаковъ кивающія перья.
 Какъ передать твое высокомерье,
 — Георгій! — Ставленникъ небесныхъ силъ!

Какъ передать закрѣпощенный пылъ
 Зрачка, и трезвенной ноздри раздутой
 На всемъ скоку обузданную смуту.

Передъ любезнѣйшею изъ красотъ
 Какъ передать — съ архангельскихъ высотъ
 Сѣдла — копыя — содѣяннаго дѣла

И дѣвственности гнѣвной — эти стрѣлы
 Рѣсничныя — эбеновой масти —
 Разящія: — Мы не одной кости!

Божественную вѣдомость закончивъ,
 Какъ передать, Георгій, сколь уклончивъ
 — Чуть-что земли не тронувшій едва —

Поклонъ, — и сколь пронзительно-крива
 Щель, заледенѣвающая сразу:
 — О, не благодарите! — По приказу.

29-го іюня.

Съ архангельской высоты сѣдла
 Евангельскія творить дѣла.
 Рѣка сгораетъ, верста смугла.
 — О даль! Даль! Даль!

Въ пронзающей прямизнѣ рѣсениць
 Пожарищемъ налетать на птицъ.
 Копыта! Крылья! Сплелись! Свились!
 О высь! Вось! Вось!

Въ заоблачѣ исчезать какъ снасть!
 Двучіе разѣвать какъ пасть!
 И не опомнившись — мертвымъ пасть:
 О страсть! — Страсть! — Страсть!

29-го іюня.

А дѣвы — не надо.
По вольному хладу,
По синему слѣду
Одинъ я поѣду.

Какъ былъ до побѣды:
Сиротскій и вдовый.
По вольному слѣду
Воды родниковой.

Отъ славы, отъ гною
Доспѣхи отмою.
Во славу Твою
Коня напою.

Храни, Голубица,
Отъ града — посѣвы,
Дѣвицу — отъ гада,
Героя — отъ дѣвы.

30-го іюня.

О всѣмъ вѣтрамъ
 Колеблемый лотосъ!
 Георгія — робость,
 Георгія — кротость . . .

Очей непомянутыхъ
 — Широкихъ и влажныхъ —
 Суровая — дѣтская — смертная важность.

Такъ смертная мука
 Глядитъ изъ тряпья.
 И вся непомянутая
 Тяжесть конья.

Не тотъ — высочайшій,
 Съ усмѣшкою гордой:
 Кротчайшій Георгій,
 Тишайшій Георгій,

Горчайшій — свѣча монахъ бдѣннй — Георгій,
 Кротчайшій — съ глазами оленя — Георгій!

(Трепещущей сворѣ
 Простившій олень.)
 — Которому пробилъ
 Георгіевъ день.

О лотосъ мой!
Лебедь мой!
Лебедь! Олень мой!

Ты — всѣ мои бдѣнья
И всѣ сновидѣнья!

Пасхальный тропарь мой!
Последній алтынъ мой!
Ты, больше чѣмъ Царь мой,
И больше, чѣмъ сынъ мой!

Лазурное око мое —
Въ вышину!
Ты блудную снова
Вовнесшій жену.

— Такъ слушай-же! . .

1-го іюля.

(Не докончено за письмомъ).

Б Л А Г А Я В Ъ С Т Ь

С. Э.

1

Въ сокровищницу
Полунощныхъ глубинъ
Недрогнувшую
Опускаю ладонь.

Межъ водорослей —
Ни примѣты его!
Сокровища нѣту
Въ моряхъ — моего!

Въ заоблачную
Пѣнопѣнную высь —
Двумолніемъ
Осмѣлеваюсь — и вотъ

Миѣ жаворонокъ
Обронилъ съ высоты —
Что за моремъ ты,
Не за облакомъ ты!

2-го іюля.

Живъ и здоровъ!
 Громче громовъ —
 Какъ топоромъ —
 Радость!

Нѣтъ, топоромъ
 Мало: быкомъ
 Подъ обухомъ
 Счастья!

Оглушена,
 Устрашена.
 Что-же взаимнѣ —
 Вырвуть?

И отъ колѣнъ
 Вплоть до корней
 Вставшихъ волосъ —
 Ужасъ:

Стало-быть живъ?
 Вѣки смеживъ
 Дышешь, зовутъ —
 Слышишь?

Вывезъ корабль?
О мой журавль
Младшій — во всей
Стаѣ!

Мертвъ — и воскресъ?!
Вадоху въ обрѣзъ,
Камнемъ съ небесъ,
Ломомъ

По головѣ, —
Нѣтъ, по эфесъ
Шпагою въ грудь —
Радость!

3-го июля.

Подъ горемъ не горясь,
 Подъ камнемъ — крылатой —
 — Орломъ! — уцѣлѣвъ,

Земныхъ матерей
 И небесныхъ любовницъ
 Двойную печаль

Взваливъ на плеча, —
 Горяча мнѣ досталась
 Мальтійская сталь!

Но гнѣвное небо
 Къ орламъ — благосклонно.
 Не сонъ-ли: въ волнахъ

Сонмъ ангеловъ конныхъ!
 Межъ ними — осанна! —
 Мой — снѣгу бѣлѣи . . .

Лилейныя ризы,
 — Конь вывезетъ! — Гривой
 Вспѣнѣнныя зыби.
 — Валъ вывезетъ! — Дыбомъ
 Встающая глыба . . .
 Богъ вынесетъ . . .
 — Охъ! —

1-го іюля.

Надъ спящимъ юнцомъ — золотыя шпоры.
 Команда: векачь!
 Уже по пятамъ воровская свора.
 Георгій, плачь!

Свободною лѣвою крестъ нащупалъ.
 Команда: вплавь!
 Чтобъ всѣмъ до одинаго имъ подѣ куполъ
 Софійскій, — правь!

Пропали! Не вынесутъ сухожилья!
 Конецъ! — Сдалсь!
 — Двумолніемъ раскрѣпощаетъ крылья.
 Команда: ввысь!

6-го іюль.

Во имя расправы
Крѣпкись, мой Крылатый!
Быль часъ переправы,
А будетъ — расплаты.

Въ тотъ часъ стопудовый
— Межь бредомъ и былью —
Гребли тяжело
Корабельныя крылья.

Межь Сциллою — да! —
И Харибдой гребли.
О крылья мои,
Журавли-корабли!

Тогда по крутому
Эвксинскому берегу
Быль топотъ Побѣга,
А будетъ — Побѣды.

Въ тотъ часъ непосильный
— Межь дуломъ и хлябью —
Сердца не остыли,
Крыла не ослабли,

Плеча напирали,
Глаза стерегли.
— О крылья мои,
Журавли-корабли!

Птенцовъ узколищыхъ
Не давши въ обиду
Сказалось —
Орлицыно сердце Тавриды.

На крикъ длинноклювый
— Съ ерами и съ ятью! —
Проснулася —
Съдая Монархия-матерь.

И воть уже куполъ.
Софійскій — вдали . . .
О крылья мои,
Журавли-корабли!

Крѣпитесь! Кромѣшное
Дрогнетъ созвѣздье.
Не съ моря, а съ неба
Ударитъ Возмездье.

Глядите: небеснымъ
Свинцомъ налитая,
Грозна, тяжела
Корабельная стая.

И нѣту конца ей,
И нѣту земли . . .
— О крылья мои,
Журавли-корабли!

7-го іюля.

(Здѣсь пропущены три стихотворенія
къ Блоку, вышедшія, вмѣстѣ съ другими,
отъѣльной книжечкой.)

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВОЖДЯ

Конь — хромъ,
Мечъ — ржавъ.
Кто — сои?
Вождь толпъ.

Шагъ — часъ,
Вадохъ — вѣкъ,
Взоръ — внизъ.
Всѣ — тамъ.

Врагъ. — Другъ.
Тернъ. — Лавръ.
Все — сонъ . . .
— Онъ. — Конь.

Конь — хромъ.
Мечъ — ржавъ.
Плацъ — старъ.
Станъ — прямъ.

3-го іюля.

О Т Р О К Ъ

Гелликону

1

Пустоты отроческихъ глазъ! Провалы
Въ лазурь! Какъ ни черны — лазурь!
Игралища для битвы небывалой,
Дарохранительницы бурь.

Зеркальные! Ни зыби въ нихъ, ни лопа,
Вселенная въ нихъ править ходъ.
Лазурь! Лазурь! Пустынная до звону!
Книгохранилища пустотъ!

Провалы отроческихъ глазъ! — Пролеты!
Дупгъ раскаленныхъ — водоной.
— Оазисы! — Чтобъ великъ хлебнулъ и отпилъ,
И захлебнулся пустотой.

Нью-пе напыюсь. Вздохъ — и огромный выдохъ,
И крови ропщущей подземный гулъ.
Такъ по ночамъ, тревожа сонъ Давидовъ,
Захлебывался Царь Саулъ.

12-го августа.

Огнепоклонникъ! Красная масть!
 Завороженный и ворожащій!
 Какъ годовалый — въ красную пасть
 Льва, въ пурпуровую кипя, въ чашу —

Око и бровь! Переть и ладонь!
 Въ самый огонь, въ самый огонь!

Огнепоклонникъ! Страшенъ твой богъ!
 Пляшетъ твой богъ, на смерть ударивъ!
 Думаешь — глазъ? Красный всполохъ —
 Око твое! — Перебѣгъ заревъ . . .

А пока живъ — прядай и сыпь
 Въ самую кипя! Въ самую кипя!

Огнепоклонникъ! Не опалюсь!
 По мановенью — горять, гаснуть!
 Огнепоклонникъ! Не поклонюсь!
 Въ черныхъ пустотахъ твоихъ красныхъ

Стройную мощь выкрутивъ въ жгутъ
 Мой это бьетъ — красный лоскутъ!

14-го августа.

Простоволосая Агарь — сижу,
Въ ширивоокую печаль — гляжу.

Въ печное зарево раскрывъ глаза,
Муштыни карія — твои глаза.

Забывши вѣрую, купель, потиръ —
Справа-налѣво въ нихъ читаю Миръ!

Орлы и гады въ нихъ, и лунный годъ, —
Весь грустноглазый твой, чужой народъ.

Пескм и зори въ нихъ, и плащъ Вождя . . .
Какъ ты въ огонь глядишь — я на тебя.

Пески не кончатся . . . Сынокъ, ударь!
Простой поденщицей была Агарь.

Босая, темная бреду, въ тряпкѣ . . .
— И ужъ не помню я, что тамъ — въ котлѣ!

15-го августа.

Виноградны тцетно въ садахъ ржавѣли,
 И наложница, тцетно прождавъ, уснула.
 Палестинскія жилы! — Смолы тяжёле
 Протекаетъ въ васъ древняя грусть Саула.

Пятидневною раною ротъ запекся.
 Тяжекъ ходъ твой, о кровь, приближаясь къ сроку!
 Такъ давно ужъ Саулу-Царю не пьется,
 Такъ давно уже землю пытаетъ око.

Иерихонскія розы горятъ на скулахъ,
 И работаетъ грудь на подобье горна.
 И влачатъ, и влачатъ этотъ вадохъ Сауловъ
 Палестинскіе отроки съ кровью черной.

17-го августа.

Вѣками, вѣками
Свергала, заводила.
Горбачусь — изъ сѣраго камня — Сивилла.

Пустынные очи
Упорствуютъ въ землю.
Уже не пророчу, —
Зубовъ не разъемлю.

О дряхломъ удавѣ
Презрѣнныхъ сердець —
Лепечеть, лепечеть о славѣ юнецъ.

Свинцовыя вѣки
Смежила — не выдать!
Свинцовыя вѣки
Смеженные — видятъ:

Въ сей нищенской жизни —
Лишь часъ величавый!
Изъ сѣраго камня — гляди! — твоя слава.

О дряхломъ удавѣ
Презрѣнныхъ сердець —
Лепечеть, лепечеть о славѣ юнецъ.

20-го августа.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СТИХОВЪ КЪ АХМАТОВОЙ

. . . Но валъ моей гордыни польской —
Какъ палъ онъ! — Съ золотарныхъ горъ
Мои стихи — какъ добровольцы
Къ тебѣ стекались подъ шатеръ.

Слѣди полночные наѣзды
Бдиль добровольческій табунъ,
Пока бесѣдовали звѣзды
Съ Единодержицею струнъ.

30-30 августа.

МАЯКОВСКОМУ

Превыше крестовъ и трубъ,
Крещеный въ огнѣ и дымѣ,
Архангелъ-тяжелоступъ —
Здорово, въ вѣкахъ Владиміръ!

Онъ возчикъ и онъ-же конь,
Онъ прихоть и онъ-же право.
Вдохнулъ, поплевалъ въ ладонь:
— Держись, ломовая слава!

Пѣвецъ площадныхъ чудесъ —
Здорово, гордецъ чумазый,
Что камнемъ — тяжеловѣсъ
Избралъ, не прельстятъ алмазомъ.

Здорово, булыжный громъ!
Зѣвнулъ, козырнулъ — и снова
Оглоблей гребеть — крыломъ
Архангела ломового.

5-го сентября.

Х А Н С К І Й П О Л О Н Ъ

1

Ханскій полонъ
Вдъ сласть извѣдавъ,
Бью крыломъ
Богу побѣговъ.

Спорый богъ,
Скорый богъ,
Шпоры въ бокъ-богъ!

Оповѣсти
Словомъ и знакомъ,
Тѣхъ усыни
Хмѣлемъ и макомъ,

Кровомъ и мракомъ будь,
Словомъ и знакомъ будь,
Пнемъ и канавой будь, —
Чтобъ все вѣтра имъ въ грудь!

Черный богъ,
Воронъ-богъ,
Полночь-бьетъ-богъ.

Щебнемъ-травой,
Гребнемъ-откосомъ.
Надъ татарвой
— Тьфу! — надъ раскосой.

Конь мой земли не тронь,
Лобь мой звѣзды не тронь,
Вадохъ мой губы не тронь,
Всадникъ-конь, персть-ладонь.

Конный богъ,
Сонный богъ,
Ломомъ въ лобь-богъ!

Быстрымъ ногамъ —
Крѣпость и смѣлость!
По слободамъ
Вѣкъ чтобы пѣлось:

Бѣглыхъ и босыхъ — богъ,
Простоволосыхъ — богъ,
Валеть, всплсекъ, всхлестъ, охлестъ-богъ,
Самъ чортъ на веслахъ — богъ.

Окрикъ-богъ,
Охлестъ-богъ,
Опрометъ-богъ!

18-го сентября.

Ни тагана
 Нѣтъ, ни огня.
 На меня, на!
 Будеть съ меня

Конскую кость
 Жрать съ татарвой.
 Сопровождай,
 Столбъ верстовой!

— Гдѣ-жъ, бысрога,
 Крестъ-твой-цѣпогъ?
 — Крестъ-мой-цѣпогъ
 Ханъ подъ сапогъ.

Градъ мой въ кровя,
 Грудь безъ креста, —
 Усынови,
 Матерь-Верста!

— Гдѣ-жъ, сирота,
 Кладъ-твоя-домъ?
 — Скарбъ — подъ ребромъ,
 Домъ — подъ сѣдомъ,

Ханъ мой — Мамай,
Хлѣбъ мой — тоска.
Къ старому въ рай,
Паперть-верста!

— Что-жь, красота,
Къ Хану строга?
— Къ Хану строга?
Память долга!

Камнемъ — мнѣ Ханъ,
Ямой — Москва.
Къ ангеламъ въ станъ,
Скатерть-верста!

19-го сентября.

Слѣдокъ твой непытацъ,
 Вихоръ твой — колунаъ.
 Скрипятъ подь копытомаъ
 Разрывъ да плакунъ.

Нетоштанный путь,
 Непутевый огонь. —
 Охъ, Родина-Русь,
 Неподкованный конь!

Кумачъ твой безъ сбыту,
 Палачъ твой безъ рувъ.
 Худое корыто
 Въ хоромахъ — да крюкъ.

Корою накрусь, --
 Не диковина нопь!
 — Охъ, Родина-Русь,
 Зачарованный конь!

Не вскочишь — не сядень!
 А сълъ — не пеняй!
 Одиць тебѣ вадникъ
 По праву — Мамай!

Раскосая глусь,
 Воровская ладошь . . .
 — Эхъ, Родина-Русь,
 Нераскалянный конь!

25-го сентября, Сергіевъ день.

Не растеклась еще
Кровь Иисусова.
Надъ безнапраслиной —
Времячко Бусово.

Черная кровь
Изъ-подъ ножа.
Бусомъ — любовь,
Бусомъ — божба.

Знать не дошла еще
Кровь Голубина.
Озеромъ — Жаль,
Подемъ — Обида.

(Ужъ не тебя-ль,
Князь мой неживъ?)
Озеромъ — Жаль,
Деревомъ — Дявль.

Тушить глаза
Русь моя руса.
Ворономъ — Газа,
Газакъ тотъ безусый,

Ханъ-тотъ-лазей,
Царь-раскрадынъ,
Рознить князей,
Вдовить княгинь.

— Ослобони меня!
Хану — рабынюшка!
Въ роцѣ обидонька
Плачетъ рябинушкой.

Не перечеть
Той бирюзы.
Дѣвичья честь —
Стрѣлы борзы!

Травушки стоптаны,
Рученьки розняты.
Въ полѣ стыдобушка
Никнетъ березынькой.

Только и есть —
Два рукава!
Газова лестъ —
Плеть скакова!

Исполосована
Русь моя русая.
Газакъ да Кончакъ еще,
Вороны Бусовы.

Полный колчанъ,
Вольный постой.
А по ночамъ
Мать надъ дитей:

— Спи, неустанъ,
Спи, недослухъ,
Чтобъ тебя самъ
Ханъ кармаухъ!

Хватъ — да и въ станъ!
Каши не дастъ!
Чтобъ тебя самъ
Гзагъ-загребастъ!

Тагъ по шатрамъ,
Черезъ всю Русь:
— Чтобъ тебя самъ
Бусъ-удавлюсь!

7-го марта 1922 г.

(Стихотвореніе перенесено сюда
по внутренней принадлежности къ
„Ханскому Полону“.)

Семеро, семеро
Славлю дней!
Семь твоихъ шкуръ твоихъ
Славлю, Змѣй!

Пустопорожняя
Дань землѣ
Старая кожа
Лежитъ на пшѣ.

Старая сброшена, —
Новой жди!
Старую кожу
Прохожий, жги!

Чтобъ ужъ и не было
Намъ: вернись!
Чтобы ни слѣду
Отъ старыхъ ризъ!

Снашивай, сбрасывай
Старый день!
Въ ризницѣ нашей —
Семьжды семь!

3-го октября.

Блаженны дочерей твоихъ, Земля,
Бросавшіе для боя и для бѣга.
Блаженны въ Елисейскія поля
Вступившіе, не обольстившіе нѣгой.

Такъ лавръ растетъ, — жестоколетъ и трезвъ,
Лавръ-лѣтописецъ, горячитель боя.
— Содружества заоблачный отвѣсъ
Не промѣняю на юдоль любви.

4-го октября.

ХВАЛА АФРОДИТЪ

1

Уже боговъ — не тѣ уже щедроты
На берегахъ — не той уже рѣки.
Въ широкія закатныя ворота
Венерины, летите, голубки!

Я-жъ на пескахъ похолодѣвшихъ лежа,
Въ день отойду, въ которомъ нѣтъ числа . . .
Какъ змѣй на старую взираетъ кожу —
Я молодость свою переросла.

4-го октября.

Тщетно, въ вѣтвяхъ заповѣдныхъ края,
Нѣжная стая твоя гремитъ.
Сластолюбивый роняю поясъ,
Многолюбивый роняю миртъ.

Тяжкоразящей стрѣлой тупою
Освободилъ меня твой же сынъ.
— Такъ о престолъ моего покоя
Пѣннорожденная, пѣной сгинь!

5-го октября.

Сколько ихъ, сколько ихъ ѣсть изъ рукъ,
 Бѣлыхъ и низыхъ!
 Цѣлыя царства воркують вокругъ
 Устъ твоихъ, Низость!

Не переводитея смертный потъ
 Въ золотѣ кубка.
 И полководецъ гривастый льнетъ
 Бѣлой голубкой.

Каждое облако въ часъ дурной —
 Грудью кружится.
 Въ каждомъ цвѣткѣ неповинномъ — твой
 Ликъ, Дьяволица!

Брешная пѣна, морская соль . . .
 Въ пѣнѣ и въ мукѣ —
 Повиноваться тебѣ доколь,
 Камень безрукій?

10-го октября.

Отъ гнѣва въ печени, мечты во лбу
Богиня Вѣрности, храни рабу.

Чугуннымъ ободомъ скрѣпи ей грудь,
Богиня Вѣрности, покровомъ будь.

Все сладколичіе сними съ куста,
Косноязычіемъ скрѣпи уста . .

Запечатлѣннѣе кости въ гробу,
Богиня Вѣрности, храни рабу!

Дабы безъ устали шумѣлъ станокъ,
Да будетъ усть ея законъ — замокъ.

Дабы могильнаго поверхъ горба:
«Единой Вѣрности была раба!»

На раздорожѣм, ребромъ къ столбу,
Богиня Вѣрности — распни рабу!

11-го октября.

**Съ такую силой въ подбородокъ руку
Виѣшивъ, что судорогой вьется ротъ,
Съ такую силою понявъ разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведетъ —**

**Такъ знаменосецъ покидаетъ знамя,
Такъ на помостѣ матерямъ: Пора!
Такъ въ ночь глядитъ — послѣдними глазами —
Наложница послѣдняго царя.**

11-го октября.

Молодость моя! Мол чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспаленные глаза съужая,
Такъ листокъ срываютъ календарный.

Ничего изъ веси твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! — Назадъ не клочу.
Ты была мнѣ ношей и обузой.

Ты въ ночи нашептывала гребнемъ,
Ты въ ночи оттачивала стрѣлы.
Щедростью твоей даваясь, какъ щебнемъ,
За чужіе я грѣхи терпѣла.

Скипетръ тебѣ вернуть до сроку —
Что уже душѣ до яствъ и брашна!
Молодость моя! Моя морока-
Молодость! Мой лоскутокъ кумашный!

5-го ноября.

М У З А

Ни грамотъ, ни праотцевъ,
Ни яснаго сокола.
Идетъ-отрывается, —
Такая далекая!

Подъ смуглыми вѣками —
Пожаръ золотокрылый.
Рукою обвѣтренной
Взяла — и забыла.

Подоль неподобранный,
Опшѣтокъ оскаленный.
Не злая, не добрая,
А такъ себѣ: дальняя.

Не плачетъ, не сѣтуетъ:
Рвануль — такъ и милый!
Рукою обвѣтренной
Дала — и забыла.

Забыла — и розсыпью
Гортанною, влекотомъ . . .
— Храни ее Господи,
Такую далекую!

6-го ноября.

Скоро ужъ изъ ласточекъ — въ кодуни!
Молодость! Простимся наканунѣ . . .
Постоямъ съ тобою на вѣтру!
Смуглая моя! Утѣшь сестру!

Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззоръ моей души!
Молодость моя! Утѣшь, спляши!

Полосни лазревою шалью,
Шалая моя! Пошалѣвали
Досыта съ тобой! — Спляши, опшарь!
Золотце — мое прощай — янтарь!

Не спроста руки твоей касаюсь,
Какъ съ любовникомъ съ тобой прощаюсь.
Вырванная изъ грудныхъ глубинъ —
Молодость моя! — Иди въ другинъ!

7-го ноября.

Безъ самовластія,
Съ полною кротостью.
Легкій и ласковый
Воздухъ надъ пропастью.

Выросшій сразу,
— Молніей — въ срокъ —
Какъ по приказу
Будеть цвѣтокъ.

Змѣевоносый,
Звѣздоочитый . . .
Не смертоносный, —
Самъ безъ защиты!

Огъ-ли мнѣ? Я — ему?
Знаю: польщусь . . .
Знаю: нечаянно
Въ смерть остуняюсь . . .

7-го ноября.

Такъ плыли: голова и лира,
Внизъ, въ отступающую даль.
И лира увѣряла: мира!
А губы повторяли: жаль!

Крово-серебряный, серебро —
Кровавый слѣдъ двойной лѣн,
Вдоль обмирающаго Гебра —
Братъ нѣжный мой, сестра моя!

Порой, въ тоскѣ неутолимой,
Ходъ замедлялся головы.
Но лира увѣряла: Мимо!
А губы ей вослѣдъ: Увы!

Вдаль-зыблящимся изголовьемъ
Сдвигаемые какъ вѣнцомъ —
Не лира-ль истекаетъ кровью?
Не волосы-ли — серебромъ?

Такъ, лѣстницею нисходящей
Рѣчною — въ колыбель зыбей.
Такъ, къ острову тому, гдѣ слаще
Чѣмъ гдѣ-либо — лжетъ соловей . . .

Гдѣ осіянные останки?
Волна соленая — отвѣтъ!
Простоволосой лесбиянки
Быть-можетъ вытянула сѣтъ? —

18-го ноября.

**Грудь женская! Души застывшій вѣдохъ, —
Суть женская! Волна, всегда врасплохъ
Застыгнутая — и всегда врасплохъ
Васъ застигающая — видитъ Богъ!**

**Презрѣнныхъ и презрительныхъ утѣхъ
Игралище. — Грудь женская! — Доспѣхъ
Уступчивый! — Я думаю о тѣхъ . . .
Объ одногрудыхъ тѣхъ, — подругахъ тѣхъ! . .**

22-го ноября.

В И О Л Е Е М Ъ

Два стихотворенія, случайно
не вошедшіе въ „Стихи къ Блоку“.

Сыну Блока, — Сашѣ.

1

Не съ серебромъ пришла,
Не съ янтаремъ пришла, —
Я не царемъ пришла,
Я настухомъ пришла.

Вотъ воздухъ горь монхъ,
Вотъ острый взоръ монхъ
Двухъ глазъ — и красный пыхъ
Костровъ и зоръ монхъ.

Гдѣ ладанъ-воскъ — тотъ-мѣхъ?
Не оберусь прорѣхъ!
Хонь и нищѣе всѣхъ —
Зато первѣе всѣхъ!

За верблюдомъ верблюды
Гляди: на холмъ-твой-круты,
Гляди: цари идутъ,
Гляди: лари несутъ.

О — поз — дали!

23-го ноября.

Три царя,
Три ларя
Съ цѣнными дарами.

Первый даръ —
Вся земля
Съ синими морями.

Даръ второй:
Весь въ немъ Ной,
Весь, съ ковчегомъ-съ-тварью.

Ну, а въ томъ?
Что въ третѣмъ?
Что въ третѣмъ-то, Царь мой?

Царь даетъ,
— Свѣтъ мой святъ!
Не понять что значитъ!

Царь — впередъ,
Мать — назадъ,
А младенецъ плачетъ.

23-го ноября.

С. Э.

Какъ по тѣмъ донскимъ боямъ, —
Въ серединку самую,
По заморскимъ городамъ
Все съ тобой мечта моя.

Со стѣны сниму кивотъ
За труху бумажную.
Все продажное, а вотъ
Память не продажная.

Нѣтъ сосны такой прямой
Во зеленомъ ельнике.
Оттого-что мы съ тобой —
Одноколыбельники.

Не для тысячи судебъ —
Для единой родимся.
Ближе, чѣмъ съ ладонью хлѣбъ —
Такъ съ тобою сходимся.

Не унесъ пожаръ-потопъ
Перстенька червоннаго!
Ближе, чѣмъ съ ладонью лобъ
Въ тѣ часы безсонные.

Не возьметъ мое вдовство
Ни муки, ни мельника . . .
Нерушимое родство:
Одноколыбельники.

Знай, въ груди моей часы
Какъ завелъ — не ржавѣли.
Знай, на красной на Руси
Все-жъ самодержавіе!

Пусть весь свѣтъ идетъ къ концу —
Достою у всенощной!
Чѣмъ съ другимъ какимъ въ вѣнцу —
Такъ съ тобою въ стѣночкѣ.

— Ну-кося, до меня охоть!
Не зѣвай, брательники!
Такъ вдвоемъ и канемъ въ ночь:
Одноколыбельники.

30-го ноября.

Такъ говорю, ибо даровавъ взглядъ
Мнѣ въ игры хоровыя:
Нѣтъ, пурпурныя съ головы до пятъ,
А вовсе не сквозныя!

Такъ — довожу: лба осланный сводъ
Надмененъ до безчувствья.
И если радугою гнется ротъ —
То вовсе не отъ грусти.

Златоволосости хотѣлъ? Стыда?
Вихрь — и костеръ лавровый!
И если нехотя упало: да —
Н ѣ т ь — ихъ второе слово.

Мвигъ — проволокою поддержанъ бѣгъ?
Нѣтъ, глыбы за плечами!
Въ полуопущенности смуглыхъ вѣкъ
Стрѣлъ больше чѣмъ въ колчанѣ!

О, въ каждомъ поворотѣ головы —
Цѣлая прешподня!
Я это утверждаю: таковы,
Да, — ибо рать Господня.

Мѣдновскищающіе табуны —
Въ благовѣсть мы — какъ въ битву!
Какое дѣло намъ до той слюны,
Названной здѣсь молитвой?!

Путеводители старухъ? Сиротъ?
— Вспѣлохи варевыя! —
Такъ утверждаю, ибо настезъ входъ
Мнѣ въ игры хоровыя.

1-го декабря.

Необычайная она! Сверхъ силу!
Не обвиняй меня пока! Забылъ!
Благословенна ты! Велѣлъ сказать —
Благословенна ты! А дальше глядь
Такая ровная . . . Пстой: межъ жегъ
Благословенна ты . . . А дальше звонъ
Такой ликующій . . . — Дятя, услышь:
Благословенна ты! — А дальше тишь
Такая . . .

5-го декабря.

Какъ начнутъ мсня колеса —
 Въ слякоть, въ хлинь,
 Какъ изъ глотки безголосой
 Хлышетъ бивъ —
 Хрипъ, копчяющійся за моремъ,
 что стерть
 Молъ съ лица земли молъ . . .
 — Мама?

Думалъ, — чортъ!
 Да черезъ три ча еще!

10-го декабря.

Надъ снѣморскою лоханью —
Воинствующій валетъ.
Божественное задыханье
Дружбъ отроческихъ — вотъ!

Гадательные діалоги
Воскрылія съ плечонъ.
Объятіе, когда руки и ноги
И тѣло — не при чемъ.

Рѣсни — цами — сброшенный вызовъ:
Вырвалась! Догоняй!
Изъ рукъ любовниковыхъ — ризы
Высвобожденный край.

И пропастью въ груди (что нужды
Въ семь: косное грудь въ грудь?)
Архангельской двустрой дружбы
Обморочная круть.

12-го декабря.

А Х М А Т О В О Й

Кѣмъ полосынька твоя
Нынче выжнется?
Черновосынька моя!
Чернокнижница!

Дни полночные твои,
Вѣгъ твой таборный . . .
Всѣ работнички твои
Разомъ забраны.

Гдѣ сподручники твои,
Тѣ сподвижнички?
Бѣлорученька моя,
Чернокнижница!

Не заглядятъ тѣхъ могли
Слезою, слагою.
Одинъ заживо ходилъ —
Кагъ удушенный.

Другой къ стѣночкѣ пошелъ
Искать прибыли.
(И гордецъ-же былъ-сокѣлъ!)
Разомъ выбили.

Высоко твои братья!
Не докличешься!
Яснооконька моя,
Чернокрыльница!

А изъ тучи-то (хвала —
Диво дивное!)
Соколиная стрѣла,
Голубиная . . .

Знать, въ два перышка тебѣ
Пишутъ тамотка,
Знать, ужъ въ скорости тебѣ
Выйдетъ грамотка:

— Будетъ крылышки трепать
О булыжники!
Чернокрыльонька моя!
Чернокнижница!

16-го декабря.

М О С К В Ъ

Первородство — на сиротство!
Не спокоюсь.
Велико твое дородство:
Отрекаюсь.

Тѣмъ какъ вдаль гляжу на ближнихъ —
Отрекаюсь.
Тѣмъ какъ твой топчу булыжникъ —
Отрекаюсь.

Какъ въ семнадцатомъ-то
Праведница въ бѣломъ,
Усмѣхающись стояла
Подъ обстрѣломъ.

Какъ въ осьмнадцатомъ-то
— А? — слѣдочкомъ ржавымъ
Все сыновъ своихъ искала
По заставамъ.

Вотъ за эту-то — штыками
Не спокоюсь! —
За короткую за память
Отрекаюсь.

Драгомилово, Рогожская,
Другія . . .
Широко-жь твоя творилась
Литургія.

**А рядочкомъ-то
На площади на главной,
Рванью-ключьями
Утѣшенные, лавромъ . . .**

**Наметай, метель, опилки,
Снѣгъ свой чистый.
Поклонись, глава, могилкамъ
Бунтовщицкимъ.**

**(Тоже праведники были,
Были, — не за гривну!)
Красной ранѣ, бѣдной праведной
Ихъ кривдѣ . . .**

—

**Старопрежнее, на свалку!
Нынче, здравствуй!
И на кровушкѣ на свѣжей —
Плясѣ да яства.**

**Вотъ за тѣхъ за всѣхъ за братьевъ
— Не спокоюсь! —
Прости, Иверская Мати!
Отрекаюсь.**

30-го декабря.

Луче чѣмъ женщина
Въ часъ свиданья!
Лавромъсѣченный,
Красной рванью
Исполосованный
Въ кровь ---
Снѣгъ.

Вотъ они, тѣсною стальной когортой,
Къ самой кремлевской стѣнѣ приперты,
Въ рядъ
Спать.

Лавръ — вмѣсто камня
И Кремль — оградой.
Крестнаго знамени
Вамъ не надо.
Какъ —
Чтить ?

Не удостоились „Со святыми“,
Не упокоились со святыми.
Лавръ.
Снѣгъ.

Какъ надъ Неусовымъ
Тѣломъ — стража.
Руки грызу себѣ, — ибо даже
Снѣгъ
Здѣсь

Гнѣвъ. — „Проходи! Надъ своими развѣ?!“
Первою въ жизни преступной связью
Чась
Бьеть.

Съ башни — который? — стою, считаю.
Что-жъ это здѣсь за земля такая?
Шагъ
Врось.

Не оторвусь! („Отрубите руки!“)
Пуще чѣмъ женщиный
Въ часъ разлуки —
Чась
Бьеть.

Подъ чужеземнымъ бунтарскимъ лавромъ
Тайная страсть моя,
Гнѣвъ мой явный —
Спи,
Врагъ!

31-го русск. декабря 1921 г.

1 9 2 2 Г О Д Ъ

НОГОГОДНЯЯ

С. Э.

Братья! Въ послѣдній часъ
Года — за русскій
Край нашъ, живущій — въ насъ!
Ровно двѣнадцать разъ —
Кружкой о кружку!

За почетную рвань,
За Тамань, за Кубань,
За нашъ Донъ русскій,
Старыхъ вѣръ Иорданъ . . .
Грянь,

Кружка о кружку!

Товарищи!
Жива еще
Мать — Страсть — Русь!
Товарищи!
Цѣла еще
Въ серд — цахъ Русь!

Братья! Взгляните въ даль!
Дельвигъ и Пушкинъ,
Дѣлъ и сердце хрусталь . . .
— Славно, какъ сталь обь сталь —
Кружкой о кружку!

Братства славный обрядъ —
За нашъ братственный градъ
Прагу — до — хрусту .
Грянь, богемская грань!

Грянь,

Кружка о кружку!

Товарищи!

Жива еще

Ступь — стать — сталь.

Товарищи!

Цѣла еще

Въ серд — цахъ — сталь.

Братья! Последній мигъ!

Ужъ на опушкѣ

Лѣса — исчезъ старикъ . . .

Тѣсно — какъ клыкъ объ клыкъ —

Кружкой о кружку!

Добровольная дань,

Здравствуй, добрая брань!

Еще живъ — русскій

Богъ! Кто вѣруеть — встань!

Грянь,

Кружка о кружку!

2-го русск. января 1922 г.

НОВОГОДНЯЯ

(вторая).

С. Э.

Тотъ — вздохомъ взлелеянный,
Тѣ — жестоки и смуглы.
Залетнаго лебедя
Не обижаютъ орлы.

Къ орламъ — не по записи:
Кто залетѣлъ — тотъ и братъ!
Вольна наша трапеза,
Дикъ новогодній обрядъ.

Гуляй пока хочется
Въ гостяхъ у орла!
Мы — вольные летчики,
Нашъ знакъ — два крыла!

Подъ гулкими сводами
Бон: взгляды о взгляды, сталь объ сталь.
То ночь новогодняя
Бьетъ хрусталемъ о хрусталь.

Попарное звяканье
Судебъ: взгляды о взгляды, грань о грань.
Очами невнятыми
Одинъ — въ новогоднюю рань . . .

Не пей, коль не хочется!
Гуляй вдоль стола!
Мы — вольные летчики,
Нашъ знакъ — два крыла!

Соборной лавиною
На лбы — новогодній обвалъ.
Тоска лебединая
Въ очахъ твоихъ Донъ ночевалъ.

Тоска лебединая,
Протяжная — къ родинѣ — цѣпь . . .
Мы знаемъ единую
Твою, — не донская ли степь?

Лети, куда хочется!
На то и стрѣла!
Мы — вольные летчики,
Нашъ вѣкъ — два крыла!

5-го января.

**Каменногрудый,
Каменнолобий,
Каменнобровый
Столбъ:
Рокъ.**

**Промыселъ, званье!
Вставай въ ряды!
Каменной дланью
Равняетъ лбы.**

**Хищенъ и слѣпъ,
Хищенъ и глухъ.
Милости нѣтъ:
Каменногрудъ.**

**Вѣдомость, номеръ!
Безъ всякихъ прочкъ!
Равенство — мы:
Никакихъ Высочествъ!**

**Выравненъ? Нѣтъ?
Кланяйся праху!
Пушкинъ — на сѣгъ,
И Шенъ — на плаху.**

6-го января.

Алексѣю Александровичу Чаброву.

**Не ревновать и не клясть,
Въ грудь призывая — всѣ стрѣлы!
Дружба! — Последняя страсть
Недосожженного тѣла.**

**Въ сердцѣ, гдѣ бѣлая даль,
Гладь — равноденствіе — ближній,
Смертолюбивую сталь
Переворачивать трижды.**

**Знать: не бывать и не быть!
Въ зоркости самоуправной
Какъ черепицами крыть
Молніеоую правду.**

**Рукъ непреложную рознь
Блюсть, костенѣя отъ гнѣва.
— Дружба! — Последняя кознь
Недоказаннаго чрева.**

8 января.

По нагоріямъ,
По восходміямъ,
Вмѣстѣ съ зорями,
Съ колокольнями,

Конь безъ удержу,
— Полнымъ парусомъ! —
Въ завтра путь держу,
Въ край безъ праотцевъ.

Не орлицей звать
И не ласточкой.
Не крестите, —
Не родилась еще!

Суть двужильная.
Чужедальная.
Вмѣстѣ съ пильнями,
Съ наковальнями,

Вдохъ — безъ одыши,
Лобъ — безъ огляди,
Въ завтра рѣчь держу
Потомъ огненнымъ.

Пи да рытвины, —
Не взялась еще!
Не судите!
Не родилась еще!

Тѣнь — возатаемъ,
Тѣло — за версту!
Поверхъ записей,
Поверхъ ржавостей,

Поверхъ старыхъ вѣръ,
Новыхъ навыковъ,
Въ завтра, Русь, — поверхъ
Внуковъ — къ правнукамъ!

(Мертвыхъ Китажей
Что намъ — пастбища?)
Возлюбите!
Не родилась еще!

Серпы убраны,
Столы съ яствами.
Видѣтъ съ судьбами,
Видѣтъ съ царствами.

Полукружіемъ,
— Солнцемъ за море! —
Въ завтра взоръ между:
— Есмь! — Адамово.

Дыхомъ-пыхомъ — духъ!
Однѣ — поножи.
— Догоняй, допухъ!
На седьмомъ уже!

9-го января.

С. Э.

Не похорошѣла за годы разлуки!
Не будешь сердиться на грубыя руки,
Хватающіяся за хлѣбъ и за соль?
— Товарищества трудовая мозоль!

О, не прихорашивается для встрѣчи
Любовь. — Не прогибайся на просторѣчье
Рѣчей, — не совѣтовала-бъ пренебречь:
То лѣтописи огнестрѣльная рѣчь.

Разочаровался? Скажи безъ боязни!
То — выкорчеванный отъ дружбъ и пріязней
Духъ. — Въ путаницу якорей и надеждъ
Прозрѣнія непоправимая брешь!

10-го января.

**Верстами — врозь — разлетаются брови.
Двѣ достовѣрности розной любви,
Черныя возжи-мон-колен —
Дальнородожныя брови твои!**

**Ветлами — велѣдъ — поднимаются руки.
Двѣ достовѣрности вѣрной разлуки,
Кровь безъ слезы прѣлитая!
По вѣтру жизнь! — Брови твои!**

**Лѣтопием лебединыя стрѣлы,
Двѣ достовѣрности бѣлаго дѣла,
Радугою — въ Божьи бои
Вброшенныя — брови твои!**

10-го января.

ПОСМЕРТНЫЙ МАРШЪ

Добровольчество — это добрая воля къ смерти . . .

(Попытка толкованія)

И маршъ впередъ уже,
Трубить въ походъ.
О какъ встаетъ она,
О какъ встаетъ . . .

Уронивъ лобной обломъ
Въ руку, судорогой сведенную,
— Громче, громче! — Подъ плескъ знаменъ
Не взойдетъ уже въ залу тронную!

И маршъ впередъ уже,
Трубить въ походъ.
О какъ встаетъ она,
О какъ встаетъ . . .

Не она-ль это въ зеркалахъ
Росписалась ударомъ сабельнымъ?
Въ ѣдкомъ верезгѣ хрустала
Не ея-ль это смѣхъ предсвадебный?

И маршъ впередъ уже,
Трубить въ походъ.
О какъ встаетъ она,
О какъ —

Не она-ли изъ впалыхъ щекъ
Продразнилась крутыми скулами?
Не она-ли подъ локотокъ:
— Третьимъ, третьимъ вчерась прикуривалъ!

И маршъ впередъ уже,
Трубить въ походъ.
О какъ —

А — въ просторахъ — Нордъ-Остъ и шквалъ.
— Громче, громче промежду ребрами! —
Добровольчество! Конченъ балъ!
Послужила вамъ воля добрая!

И маршъ впередъ уже,
Трубить —

Не чужая! Твоя! Моя!
Всѣхъ какъ есть обнесла за ужиномъ!
— Долгой жизни, Любовь моя!
Измѣняю для новой суженой . . .

И маршъ —

10-го января.

Завораживающая! Крестъ
На крестъ складывающая руки!
Разочарованіе! Не крестъ
Ты — а страсть, какъ смерть и какъ разлука.

Развораживающій настой,
Сладость обморочнаго оплыва . . .
Что настаивающій намъ твой
Хрипъ, обезголосившая дива —

Жизнь! — Безъ голосу вступаетъ въ домъ,
Въ полной памяти даетъ обѣты,
Въ нѣжномъ голосѣ полумужскомъ —
Безголосицы благая Лета . . .

Ужъ немногихъ я зову на ты,
Ужъ улыбки забываю важность . . .
— То вдоль всей голосовой версты
Разочарованія протяжность.

16-го января.

А и просторъ у насъ татарскимъ стрѣламъ!
А и трава у насъ густа — бурьянъ!
Не курскимъ соловьемъ осоловѣлымъ,
Что похотью своею пьянъ,

Свищу надъ рѣченькою румянистой,
Той рѣченькою-не старѣй.
Покамѣсть въ неширокіе полевиста
Свищу — пытатъ богатырей.

Охъ и рубцы-жъ у насъ пошли калѣки!
— Алешеньки-то кровь, Ильи! —
Охъ и красны-жъ у насъ дымятся рѣки,
Малиновыя полыньи.

Въ осоловѣлой оторопи банной —
Хрипъ княжескій да волчья сыть.
Всей соловьиной глоткой разливанной
Той оторопи не покрыть.

Вотъ и молчокъ-то мой таковъ претихій,
Что вывелась моя семья.
Межъ соловьевъ слезастыхъ — соколиха,
А родъ веду — отъ Соловья.

27-го января.

Слезы — на лисѣ моей облѣзлой!
Глыбой — черезплечные ремни!
Громче паровознаго желѣза,
Громче лѣвогрудой стукотни —

Дребезгъ подымается надъ щебнемъ,
Скрежетомъ по рошамъ, по лѣсамъ.
Точно кто вгрызающимся гребнемъ
Разомъ — по семи моимъ сердцамъ!

Родины моей ширококулой
Матерный, бурлацкій перегаръ,
Или-же — вдоль насыпи сутулой
Шопоты и топоты татаръ.

Или мужичонка, на кругъ должный,
За косу красу — да о косякъ?
(Можетъ людоедица съ Поволжья
Склябомъ — о ребяческій костюкъ?)

Аль Степанъ всплясалъ, Руся кормилецъ?
Или-же за кровь мою, за трудъ —
Сорокъ звонарей моихъ забѣсились —
И боярыню свою поють . . .

Соколь-перерѣзанныя пути!
Шибче отъ кровавой колени!
— То надъ родиною моею лютой
Истрадавшіеся соловьи.

28-го января.

Не приземистъ — высокорослъ
Станъ надъ выравненностью грядковъ.
Въ густотѣ кормовыхъ ремеслъ
Хоровыхъ не забыла радугъ.

Сплю — и съ каждымъ батрацкимъ днемъ
Тверже въ памяти благодарной,
Что когда-нибудь отдохнемъ
Въ верхнемъ городѣ Леонардо.

27-го января.

ДОЧЬ ІАИРА

1

Мимо иди!

Это великая милость.

Дочь Іаира простилась

Съ куклой (съ любовникомъ!) и съ красотой.

Этотъ просторный покрой

Юнымъ къ лицу.

Въ просторахъ покроя —
Потерянность тѣла,
Посмертная сквозь.

Дѣвица, не скроешь,
Что кость захотѣла
Отъ косточки врозь.

Зачѣмъ, равнодушный,
Противу закону
Сгѣшащей рѣки —

Слезъ женскихъ послушалъ
И отчаго стону —
Душѣ вопреки!

Сказалъ — и воскресла,
И смутно, по памяти,
Въ мѣръ хлѣба и лжи.

Но постушь надтреснута,
Губы подтянуты,
Руки свѣжи.

И все какъ спросоньца
Нѣмѣютъ конечности.
И въ самый базаръ

Съ дороги не тронется
Отвѣсной. — То Вѣчности
Безсмертный загаръ.

Привыкнетъ — и свыкнутся.
И въ бѣломъ, какъ надобно,
Межъ плавныхъ сестеръ . . .

То юную скрытницу
Лавиною свадебной
Привѣтствуетъ хоръ.

Рукой его согнута,
Смѣется — все заново!
Все роза и гроздь!

Но между любовникомъ
И ею — какъ занавѣсъ
Посмертная сквозь.

3—4-го февраля.

На пушокъ дѣвичій, пѣжный —
Смерть серебрянымъ загаромъ.
Тайная любовь промежду
Рукописью — и пожаромъ.

Рукопись — пожару хочетъ,
Дѣвственность — базару хочетъ,
Мраморность — загару хочетъ,
Молодость — удару хочетъ!

Смерть, хватай меня за косы!
Подкоси румянецъ русый!
Татарь мой раскосой
Въ ножки да не поклонюся!

— Русь!!!

3-го—4-го февраля.

На зарѣ — наимедленнѣйшая кровь,
На зарѣ — наимягченнѣйшая тишь.
Духъ отъ плоти косной беретъ разводъ,
Птица клѣткѣ костной даетъ разводъ.

Око зрить — невидимѣйшую даль,
Сердце зрить — невидимѣйшую связь . . .
Ухо петь — неслыханнѣйшую моль.
Надъ разбитымъ Игоремъ плачетъ Дивъ . . .

5-го февраля.

Переселенцами —
Въ какой Нью-Йоркъ?
Вражду вселенскую
Взваливъ на горбъ —

Вѣдь и медвѣди мы!
Вѣдь и татары мы!
Вшами изъѣдены
Идемъ — съ пожарами!

Покамѣсть — въ долгъ еще!
А тамъ, изъ тьмы —
Сонны и полчища
Такихъ, какъ мы.

Полураскосая
Стальная щель.
Дикими космами
Отъ плечь — метель.

— Во имя Господа!
Во имя Разума! —
Вѣдь и короста мы,
Вѣдь и проказа мы!

Волчьими искрами
Сквозь вьюжный мѣхъ —
Звѣзда российская:
Противу всѣхъ!

Отцеубійцами —
Въ какую дичь?
Не ошибиться бы,
Вселенскій бить!

«Людь земледѣльческій,
Вставай съ постелею!»
И вотъ съ разстрѣльщикомъ
Бредеть разстрѣлянный,

И дружной папертью,
— Рвань къ голытьбѣ:
«Миръ бѣлокатерный!
Ужо тебѣ!»

9-го февраля.

Сомкнутымъ строемъ —
Противу всѣхъ.
Дай-же спокойно имъ
Спать во гробѣхъ.

Ненависть, — чти
Смертную блажь!
Ненависть, спи:
Грядышкомъ ляжь!

Въ бранномъ ихъ саванѣ —
Сколько прорѣхъ!
Дай-же имъ правыми
Быть во гробѣхъ.

Врагъ — пока здравъ,
Правъ — какъ упалъ.
Мертвымъ — уставъ
Червь да шакалъ.

Вмѣсто глазицъ —
Черные рвы.
Ненависть, пицъ:
Сынъ — разъ въ крови!

Собственнымъ тѣломъ
Отдалъ за всѣхъ . . .
Дай-же имъ бѣлыми
Быть во гробѣхъ.

9-го февраля.

СУГРОБЫ

Эренбургу

Небо катило сугробы
Валомъ въ полночную муть.
Какъ изъ единой утробы —
Небо — и глыбы — и грудь.

Надъ пустотой переулка,
По сталактитамъ пещерь,
Какъ раскатилось гулко
Вашего имени Эръ!

Подъ занавѣскою сонной
Не истолкуетъ Вамъ Брюсъ:
Женщины — двѣ — и наклонный
Путь въ сновидѣнную Русь.

Грому небесному тѣсно!
— Эръ! — леопардова пасть.
(Женщины — двѣ — и отвѣсный
Путь въ сновидѣнную страсть . . .)

Эръ! — несоборная крѣпость!
Эръ! — черезъ чрево — впередъ!
Эръ! — въ уплотненную слѣпость
Нѣдръ — осіянный пролетъ!

Такъ, между небомъ и нѣбомъ,
— Радуйся-же, маловѣръ! —
По сновидѣннымъ сугробамъ
Вашего имени Эръ.

10-го февраля.

Не здѣсь, гдѣ связано,
А тамъ, гдѣ велѣно.
Не здѣсь, гдѣ Лазари
Бредутъ съ постелею,

Горбами вьючными
О щепень дней.
Здѣсь нѣту рученьки
Тебѣ — моей.

Не здѣсь, гдѣ скривлено,
А тамъ, гдѣ вправлено,
Не здѣсь, гдѣ съ крыльями
Рѣшаютъ — саблями,

Гдѣ плоть горластая
На насъ: добей!
Здѣсь нѣту дарственной
Тебѣ — моей.

Не здѣсь, гдѣ спрошено,
Тамъ, гдѣ отвѣчено.
Не здѣсь, гдѣ крошится
Промежь — и мѣсива

Смерть — червоточной,
И ревность-змѣй.
Здѣсь нѣту вотчины
Тебѣ — моей.

И не оглянется
Жизнь крутобровая!
Здѣсь нѣтъ свиданья!
Здѣсь только проводы,

Здѣсь слишкомъ спуганы
Концы ремней . .
Здѣсь нѣту утрени
Тебѣ — моей.

Не дворъ съ очистками —
Райскими куцами!
Не здѣсь, гдѣ взыскано,
Тамъ, гдѣ отпущено,

Гдѣ вся расплѣскана
Измѣна дней.
Гдѣ даже словъ-то нѣтъ:
— Тебѣ — моей . . .

12-го февраля.

Широкое ложе для всѣхъ моихъ рѣкъ —
Чужой человѣкъ
Прохожій, въ котораго-руки — какъ въ снѣгъ
Всей жаркостью вѣкъ

Виновныхъ, — которому вслѣдъ я и вслѣдъ,
Въ громъ встрѣчныхъ телѣгъ.
Любовникъ, котораго можетъ и нѣтъ,
(Вадохъ прожить — и нѣтъ!)

Чужой человѣкъ,
Дорогой человѣкъ,
Ночлеги-человѣкъ
Навѣкъ-человѣкъ!

— Невѣрный! — На салѣ змѣнномъ, безъ свѣчъ,
Хлѣбъ свадебный печь.
Въ измѣну! — Руслонъ разставаній, не встрѣчь
Рѣки моей бѣчь.

— Въ свиданье! — А коли темна моя рѣчь —
Домъ каменный съ плечъ!
Надъ рвомъ разставаній, надъ воркотомъ встрѣчь —
Рѣки моей рѣчь . . .

Просторъ-человѣкъ,
Нютокль-человѣкъ,
Сквозь-поль — человѣкъ,
Прошелъ-человѣкъ.

12-го февраля.

А ужь такъ: ни о чемъ!
Не плечомъ-не бочкомъ,
Не толчкомъ-локоткомъ, —
Говоркомъ, говоркомъ.

Въ горлѣ — легкій громъ,
Голосъ встрѣчныхъ дорогъ,
Отъ судьбы вѣтерокъ:
Говорокъ, говорокъ.

Отъ крутой орлиной страсти —
Перстенекъ на пальцѣ.
А замѣшано то счастье
На згибиномъ салцѣ.

А не хошь — не бери!
Можеть, вѣтеръ въ двери,
Можеть, встрѣчныя три, —
А и самъ разбери!

Хошь и крутъ мой порогъ —
Потрудись, паренекъ!
Не съ горохомъ пирогъ, —
Сахарокъ-говорокъ!

Закажи себѣ на ужинъ,
Господинъ хорошій,
Закажи себѣ жемчужинъ,
Горловыхъ горошинъ.

Голубиныхъ тѣхъ стай
Воркотъ, розовый рай?
Ай рѣка черезъ край?
Двѣ руки подставляй!

Можетъ путь-мой-широкъ
Покатилъ перстенекъ
Мимо рукъ — да въ сугробъ?
Воркотокъ-говорокъ.

Распаялъ мое запястье
Вѣтерокъ февральскій.
А замѣшано то счастье
На змѣиномъ салыцѣ . . .

Въ ожерельѣ — сто бусъ.
Сорокъ ртовъ, одинъ кусъ.
Охъ соколь-мой-безусъ,
Не божусъ, не клянусъ!

(Можетъ, гость-хромоногъ
Костылемъ о порогъ?
Вдоль хребта холодокъ —
Рокотокъ-говорокъ!)

Какъ на, красной на слободкѣ
Мужъ жену зарѣзалъ.
А моя добыча въ глоткѣ —
Не подъ грудью лѣвой!

Отъ тебя, палача,
Книзу пламень свѣча.
Нашей мглы спанча —
Счастье съ лѣва плеча! . .

Отъ румяныхъ отъ щекъ —
Шагъ — до черныхъ до дрозъ!
Шелку ярый шнурокъ:
Ремешокъ-говорокъ!

16-го февраля.

**Въ ворко-клекочущій зоркій кругъ —
Голуби встрѣчь и орлы разлукъ.**

**Вѣтъ или мечъ
Примешь изъ рукъ?
Въ щебетѣ встрѣчь —
Дребезгъ разлукъ.**

17-го февраля.

**Масляница широка!
Масляницу за бока!**

**Масляница!
Увальница!
Провожайте
Масляницу!**

**Масляница-слобода!
Мочальная борода!**

**Снѣжокъ сывороточный,
Бочекъ вывороченный!**

**Въ тыщу девятьсотъ-отъ
Семнадцатомъ — счетомъ
Забралась, растрепа,
Къ мужику въ окопы.**

**Возставай, Михалычъ!
Твое дѣло — жалость.
Возставай, Егорычъ,
Твое дѣло — горечь.**

**Поѣлъ, парень, бѣлены,
Пора, парень, за блины!**

**Масляница!
Вубенница!
Румяная
Труженица!**

Надъ ушкомъ-то гудомъ:
Пора, братъ, за бубенъ!
А въ ладонь-то — зудомъ:
Съ кого братъ — зарубимъ.

Товарищество! Товаръ!
Румяный нашъ кашеваръ!

Тисканая!
Глаженая!
Румяная!
Ряженая!

Ротастая —
Твоя купель.
Одна сестра —
На всю артель!

Растрезана,
На кругъ — рвана!
Кто первый взялъ —
Тому вѣрна:

На вѣка на вѣчные:
До перваго встрѣчнаго!

Масляница!
Вафельница!
Румяная
Висѣльница!

(Блины, вафли,
Сахаръ, медъ!)
Вставай, баринъ,
Подъ чередъ!

Ни пекаренъ
Вамъ, ни крупъ!
Ложись, баринъ,
Подъ тулупъ!

За нашъ за трудъ,
За нашъ за потъ,
Гуляй, Кузьма!
Гуляй, Федотъ!

Пожралъ сѣнца —
Вались на дичь!
Князьямъ счета
Строчи, Ильичъ!

Про нашъ раззоръ,
Про горести —
Разборчивѣй,
Забористѣй —

На весь заборъ
Трезвонъ, братва!
Така молъ нонь
Гармонъ пошла.

Висѣльничекъ румянисть,
Румяный нашъ гармонистъ!

Масляница!
Увальница!
Румяная
Кузольница!

Проваливай, преждее!
Мои дрожжи свѣжя!

**Проваливай! Запово!
Мои дрожжи пьяныя!**

**Подправа изъ бѣлены —
Пора, парень, за блины!**

**Зубастые,
Разныекіе,
Безъ заставъ поравенствуемъ!**

**Поставцы — подковой,
Икра — жемчугова:
Съ Богородицныхъ рязъ.
Садись, парень, не стыдись!**

**Масляница!
Бусельница!
Провожайте
Масляницу!**

**Крути, парень, палю въ жгутъ!
Нынче масляницу жгутъ.**

**Гикалу!
Шугалу!
Хапалу!
Чучелу!**

21-го февраля.

Наворковала,
Наворожила.
Слѣва-направо
Въ путь проводила.

Чтобъ ужъ никѣмъ ужъ,
Чтобъ ни о комъ ужъ,
Чтобъ и у всенощ —
ной — сверхъ немогъ:

Руды-пожары,
Бури-ворожбы —
Поверхъ державна
Ворота Божья.

Накуковала,
Натосковала.
Чтобъ моею славой —
Всѣ тебѣ скалы,

Чтобъ моею силой —
Всѣ тебѣ рѣки.
Въ первый и въ третій,
Днесъ и навѣки . . .

Чтобъ моей лѣвой —
Немощь и помощь.
Чтобъ ужъ никѣмъ ужъ,
Чтобъ ни о комъ ужъ . . .

Наобмирала
Насоловьила.
Безъ переправы
Въ рай — насулила,

(Чтобъ моей лестью
Веѣ тебѣ птицы . . .)
Въ рай тотъ нивѣсть чей,
Въ рай тотъ персидскій . . .

Въ сласть и въ страданье —
Дай— черезъ руку!
Прощай — въ свиданье!
Здравствуй — въ разлуку!

25-го февраля.

А сугробы подаются,
Скоро разставаться.
Прощай, вьюгъ-твоихъ-пріютство,
Воркотовъ пріютство.

Веретенъ ворчливыхъ царство,
Волковъ бѣлыхъ — рыяство.
Сугробъ теремной, боярскій,
Столбовой, дворянскій,

Бѣлокаменный, пріютскій
Для сестры, для братца . . .
А сугробы подаются,
Скоро разставаться.

Ахъ, въ раззоръ, въ раздоръ, въ разводство
Широки — воротцы!
Прощай, снѣгъ, зимы сиротской
Даровая роскошь!

Прощай, слѣдъ незнамъ, непытанъ,
Орловъ бѣлыхъ свита,
Прощай, грѣхъ снѣжкомъ покрытый,
По снѣгамъ размытый.

Горбуны-горбы-верблюды —
Прощай, домочадцы!
А сугробы подаются,
Скоро разставаться.

Голытьбѣ съ любовью дологъ
День весенній, звонный.
Гдѣ метель: покровъ-нашъ-пологъ,
Голова приклонна!

Цѣльный день грызеть, докучня,
Леденцовы зерна.
Дребезга, дрызга, разлучня,
Бойня, живодерня.

День — съ ремень, поченька куца:
Ни начать, ни ваяться . . .
А сугробы подаются,
Скоро разставаться . . .

Въ двѣ руки беру — за обѣ:
Ну — не оторвуся?
Въ двѣ рѣки изъ ямъ-колдобинъ —
Дорогія бусы.

Расколдованъ, размороженъ
Путь, ручьямъ запроданъ.
Другъ! Ушли мои ворожбы
По крутымъ сугробамъ . . .

Не гляди, что слезы льются:
Вода — можетъ статься!
Разъ сугробы подаются —
Пора разставаться!

27-го февраля.

Ранне-утреня,
Поздне-вечерня,
Крѣпко стукана,
Не приручена,

Жарко сватана,
Въ жены не взята, —
Я дорога твоя
Невозвратна.

Много-пыганная,
Чутко-слуханная,
Зорко-слѣженная,
Неудержанная!

Ужъ закачана
Плачемъ и ливнемъ!
Даромъ трачены,
Звонкія гривны!

Даромъ продана,
Мощь черноземна!
Я хвороба твоя
Неудремна.

(Твоя тайная грусть,
Твоя тайная грызть,
Безхозяйная Русь,
Окаянная жисть!)

Вѣчно — изъ дому,
Вѣкъ — мимо дому,
Отъ любезнаго
Въ лѣсъ — къ дорогому!

Берегись, простота свѣтлоруса!
Изъ-подъ полоза — птицей урвуся!

Вонъ за ту вонъ за даль,
Вонъ за ту вонъ за сннь,
Вонъ за ту вонъ за снмозь,
Грива вкось, крылья врозь.

Эй, хорошіе!
Не довелося!
Разворочена,
Простоволоса,

— Лжемариною
Въ снзья гряды! —
Я книжня твоя
Безоглядна . . .

(Не гордыня-ли
Неодолиня твоя,
Немоленна твоя?
Проваленна твоя!)

По цѣлковому
— Аль? — да на брата!
Колесована —
Не распозната;

Не дорога —
Мечта твоя сонна,
Недотрога твоя
Необгонна.

Вонъ то дерево!
Вонъ то зарево!
Вонъ то курево!
Вонъ то марево!

4-го марта.

Возлѣ любви —
Темныя смуты:
Ровно бы лютию
Кто ненарокомъ
Краемъ плаща.

(Ровно бы руки
Къ вамъ на плеча.)

Какъ паутиною
Перепутанъ
Воздухъ — чуть ступишь . . .

Какъ паутиною
Перетянуть
Голосъ — чуть вслѣдъ . . .

Возлѣ любви —
Тихіе вихри:
(Нашъ — или ихній?)

Возлѣ любви —
Цѣлые сонмы:
(Нашъ — или темный?)

Возлѣ любви —
Шопотъ и шелестъ.
Возлѣ любви —
Шепчутъ и стелютъ . . .

Тушатъ и свѣтятъ,
Спущены вѣки,
Спутаны вѣхи,
Смуты и смѣхи . . .

Гей, пострѣленышгъ!
Плеть моя хлестка!
Вся некрещеность!
На перекрестокъ!

Рознь — на порожекъ!
Гордость — въ околышгъ!
Ревность — подъ пологъ!
Щекоть и щелокъ.

Но круговая
— Сверху — порука
Крымъ.

5-го марта.

Отъ меня — къ певѣмому
Оскользь, молвь негласная.
Издадека — дремлennyй,
Издадека — ласканный . . .

У фаты завѣсткой
Лишь концы и затканы!
Отпусти словесницѣ
Оскользь, слово гладкое!

(Смугловыстымъ ящеромъ
Ишь — въ нѣха слове!)
Безъ ладони — лащенныи,
За глаза — цѣлованныи!

Даль — большая вольница,
Верстовымъ — какъ рученькой!
Велика раскольница
Даль, хужѣй — прилучница!

Сквозь замочну скважину
Въ грудь — очьми оленьими.
Черезъ версты — глаженныи,
Ковыли — делѣянныи!

За турецкимъ за моремъ
Домъ съ цвѣтными стеклами.
Отъ меня — къ незнамому
Выскочъ — ухъ! — высоконькій!

Сверхъ волны обманчивой
Въ грудь — дугою лютою!
Черезъ хлебъ — нямчаный,
Берега — бяюканый . . .

Таковы извѣстца
Къ Вамъ — съ Руси соломенной!
Хороша словесница:
Двѣ руки заломлены!

Не клейми невѣжею
За крыло подрублено!
Черезъ копы — нѣженный,
Лезвія — голубленный . . .

Мартъ.

П Е Р Е У Л О Ч К И

Алексею Александровичу
Подгаецкому-Чаброву
на память о кашей послѣдней Москвѣ.

А не видѣлъ-ли, младъ — не вѣмо-што,
А не слышалъ-ли, младъ — не знамо-што
Въ бѣлохрущатыхъ громкихъ платьицахъ
Въ переулочкахъ тѣхъ Игнатъевскихъ.

Свѣтъ до свѣту горить,
Должно требу творить,
Богу жертву кадить,
Съ дуба требованты.

А звонба-то отколь? — Запастыница!
А урча-то отколь? — Заклятыце!
Попробуй молодецка счастьяца
Въ переулочкахъ тѣхъ Игнатъевскихъ!

Двѣ колдобины. Пень.
Развалѣный плетень,
Безъ слѣдочку — да въ темь,
Всѣхъ окошечекъ — семь.

Пока дома сидишь — подумывай,
А шестое пройдешь — послѣживай:
Съ бережочку рыбачка юная
Въ полглазочку косить: не клюнело-ль?

Дунеть — костромъ загарить,
Плюнетъ — рублемъ подарить,
Охъ, башковить-красовить,
Дальше — изыгъ не велить!

Оттого-то и въ полглазочку-то
Сверхъ крутого плеча покатиета.
На пустыя слова не тратятся
Въ переулочкахъ тѣхъ Игнатъевскихъ!

А войти-то какъ? — Выходомъ.
А рѣчи-то какъ? — Выкрутомъ.
А на што мнѣ крестятся?
Все Христы-то гдѣ-жь? — Вышедши.

На плеть-паутиночку
Крестись безъ зашипочки!
Смекай, молъ, дѣтинушка,
Своя здѣсь святынюшка.

Занавѣсъ-мой — занавѣсъ!
Мурамецкій мой отрѣзь!
Часть-рябь-слѣшь-рѣзь!
Мнѣ лица не занавѣсъ!

Погоди, молодецъ, успѣется!
Чай не диво како подъ пологомъ!
На князькѣ воронье голуби
Въ ползобочка воркують до-любн:

Про бѣлыя плечи,
Которыхъ не смѣти,
Про сладкія смѣси —
Потомъ не жалѣти . . .

Про нѣги, про лести,
Зеленыя листья,
Про яства — не ѣсти,
Орѣшки — не грызти.

А еще, молодецъ, не тупишься!
Али къ чапгѣ-видешь-причастыицу?
Прямо въ очи глядятъ, — не застытса
Въ переулочкахъ тѣхъ Игнатьевскихъ!

Ужъ какъ плотно-на-плотно
Тѣ платки запахнуты!
Яблочками, яхонтами
Улещаетъ, шахматами.

(Отъ монгъ горячихъ губъ —
Лихоманочки идуть!
Отъ монгъ горячихъ губъ —
Въ тѣлѣ жилочки гудуть!)

Шахматами, яхонтами . . .
Уста мои сахарныя,
Совеѣмъ еще матушкинымъ
Молочнишкомъ пахнете!

**(Разрумяниста моя
Знобь-Тумановна!
Лихоманочка моя
Лихомановна!)**

—

**А — и — рай!
А — и — вѣи!
О — би — рай!
Не — ро — бѣи!**

**Яблокъ — яхонтъ,
Яблокъ — злато.
Кто захапнетъ —
Про то знато.**

**Яблокъ — ластъ,
Яблокъ — ластъ.
Рукъ за пазуку
Не класть.**

**Зоркимъ — слѣпость,
Чуткимъ — глухость.
Голубей вверху
Не слушать.**

**Робкимъ — плеть,
Держкимъ — ластъ.
Глазкомъ яблочка
Не красть!**

Какъ за праву-то рученьку —
Хлестъ да плёскъ!
Вмѣсто бѣлой-то рученьки —
Ящеровъ хвостъ!

Какъ за лѣву-то рученьку
Схватить — хлестъ!
Ошалѣлой гадюченькой
Въ лѣвый глазъ!

Пояскомъ черезъ плечико
Хочеть — клекъ:
Раю-райскою рѣченькой
Шелкъ потекъ.

А — ю — рай,
А — ю — рѣй,
Об — ми — рай,
Снѣ — го — вѣй.

Чеснокъ — яблочку
Неровня.
Лю-раюшки
Расвна.

Рѣчка — зыбь,
Рѣчка — рябь,
Рукой — рыбоньки
Не лапъ . . .

Не то на кривь,
Не то на бокъ
Раю-радужный
Корабликъ.

Рѣчка — хлигъ,
Рыбка — плёскъ.
Отъ всей рыбоньки —
Лишь хвостъ.

Ужъ и странствънице —
Любота для главъ!
Шемаханскіе
Паруса у насъ!

(Что за дурасть-така-соплячество
Башкой русою въ юбки прятаться?)

Райской слюнчквой
Между прочихъ рѣкъ
Слыву, — вьюношамъ
Слаще, бають, нѣтъ.

(Шепоточки-мон-смѣюнчики,
Сладкослунчаты, сладкострунчаты!)

Какъ за тѣ шепота —
Брыкомъ-ревомъ душа,
Какъ за тѣ шепота —
Турьимъ рогомъ башка!

На кормѣ воронье голуби
Въ ползобочка воркуютъ до-любн:

Про ребра, про десны,
Голодную вѣсну,
Про лехъ-тотъ-нечесанъ,
Поклонъ-тотъ-непосланъ.

А на што намъ лехъ,
Зелена башка?

Твой земной поклонъ —
Въ широки шелка:

Кланяйся,
Кланяйся!

Подъ расчесочку
Подставляй ленокъ,
Чтобъ и спросышу
Не сказалъ сынокъ:

Къ маменькѣ,
Къ маменькѣ!

Рѣка — радужну
Широту струитъ.
Видишь — матушка
На лужку стоитъ:

Кланяйся,
Кланяйся!

Еще кланяйся
На востокъ-ковылъ.
Волеванъице,
Дорогая былъ —

Съ памяти!
Съ памяти!

Он! — Молнія!
Он! — Жжетъ!
Не — молнія:
Конь — ржетъ!

Разъ — на ноги,
Два — за косы,
Три — славу пѣть.
Анъ —

Ни косы-ни руна,
Ни рѣки-ни челна,
Двѣ возжи,
Ямщичекъ, жги!

Красенъ тотъ конь,
Какъ на иконѣ.
Я-же и конь,
И-жъ и погоня.

Скачка-то
Въ гру — ди!
Жарокъ огонь!
Жги!

Въ обѣ возжи!
Гей, мои рыжи!
Ижей-то въ груди
Семь да семизды
Семь, да еще —
Семь.
Жги, ямщичекъ,
Въ темь!

Тыищами — въ тыль!
Не перестопать!
Щекъ моихъ пыль,
Жилъ моихъ пропадъ!

Заревомъ въ лобъ — ржа,
Ры — жая воз — жа!

Сласть-то одна!
Мукъ-то двѣнадцать!
Брось повода!
Рученьки настезь!

— На! — На вѣка-дни
Царствуйца хлеб — ни!

Льни,
Льни,
Черны
Котлы смоляны!

Не лги: смоляны,
То льны зелены.

Клонись,
Крепись,
Рѣсницами льни.
Ложись подъ свистъ
Стрѣлы калены.
Ай, льны!

Ай, льны льняны,
Царицыны льны!
Ручьи съ земли
Поминъ привезли:

Рѣсницами шли,
Глазницами шли,
Земляцею шли, --
Солопы!

Солонницами -- глазницы
У ржаной земли.
Что-жь вы, гости имениты,
Мало по — были?

Солоницею — земляца,
Сколько хощь — соли!
Что-жъ вы, плоти румянисты,
Мало по — жили!

Мало-ль, много-ли —
Дроги поданы!
Проходи со мной
Муку огненну!

Ой — молнія!
Ой — громъ!
Не — молнія:
Конь — въ домъ!

Разъ — выступомъ,
Два — высококомъ,
Три — искры въ лобъ!
Анъ:

Ни огня-ни котла,
Ни коня-ни сѣдла,
Два крыла,
Да и въ ла —
Зорь!

Лазорь, лазорь,
Крутая гора!
Лазорь, лазорь,
Вторая земля!

Зорь - Лазаревна,
Синь - Ладановна,
Лазорь - лазорь,
Прохлада моя!
Ла — зорь!

Во останный во разочекъ
Затянись, замри!
То послѣдній вѣтерочекъ
Съ аржаной земли:

Горбы, бороды, да борозды,
Да зеленыя.
Духъ навозенный, забористый, —
Моя земля!

Котель безъ дна!
Ладонь-глубызна!
Лазорь, лазорь,
Синь-Озеровна:
Ла — зорь!

Во останный во послѣдній
Черезъ всю-отъ-синь:
Не за раннею обѣдней
Молодцу — поминь . . .

Въ куанѣ — славу куютъ,
Къ устамъ — чару несутъ,
Другу — славу поютъ
Въ ла — зорь.

Лазорь, лазорь!
Златы стремена!
Лазорь, лазорь,
Куды завела?

Высь-Ястребовна,
Зыбь-Радуговна,
Глыбь-Яхонтовна:
Лазорь!

**Звончѣй, звошницы-безсонницы,
Во весь-оть-звонъ!
Здѣсь головушки не клонятся:
И такъ взойдемъ!**

**Синѣй, дымницы-кашльницы,
Во весь-оть-дымъ!
На груди моей — одиннадцать
Еще съ однимъ!**

**Аминь,
Поминъ,
Морская Хвалынь,
Синь-Савановна,
А —**

**Весь-оть-и миръ,
Маревомъ — дни!
Безъ вѣсти — миръ,
Безъ вѣсти — мы.**

**Синь-ты-Хвалынь,
Синь-Бережокъ!
Звѣздная синь —
Нашъ положокъ.**

**Но черезъ весь
Морокъ — взгляни! —
Лѣстницею —
Ризы мои!**

**Глухъ пуховикъ:
Дня не достанешь,
Каменемъ крикъ
Панеть — и канеть.**

Поволевавъ,
Пошалѣвавъ:
Синь — въ сапогахъ,
Синь — въ головахъ . . .

Насть — не упасть,
Плыть — не доплыть.
Дарственными —
Душу насыть!

Милый, растрать!
Съ кладью не примуть!
Дабы принять —
Надо отривнуть!

Первая цвѣль,
Пригородъ лынь!
Этихъ земель —
Тридцать ихъ!

Но черезъ весь
Пронадъ — взгляни! —
Пригоршнями —
Земли мои!

Милый, не льни:
Ибо не нужно:
Ибо ни жи:
Ибо ни мужа,

Здѣсь, ни жены.
Раны не жгутъ,
Жатвы безъ рукъ,
Клятвы безъ губъ.

Не удержавъ,
— Все раздаря! —
Жаворонкомъ
Рана моя

Въ ла —

Лазорь, лазорь,
Круты рамена!
Лазорь, лазорь,
Куды завела?

Туды-завела,
Сюды-завела,
Концы залила,
Слѣды замела

Въ ла —

Въ лазорь-въ раззорь
Отъ зорь — до зорь
На при — вязи
Ревн, заклять:
Взорь тупь,
Лобь круть,
Рогъ злать.

Турій слѣдъ у воротъ,
Отъ воротъ — поворотъ.

Москва, апрѣль 1922 г.

ПЕРЕЧЕНЬ

ПЕРЕЧЕНЬ

УЧЕНИКЪ

	СТР.
1. Быть мальчикомъ твоимъ	7
2. Есть нѣкій часъ	8
3. Солнце Вечера — добрѣе	9
4. Пало прениже волиъ	10
5. Былъ часъ чудотворенъ и полнъ	12
6. Все великолѣпше	13
7. По холмамъ — круглымъ	14

Кн. С. М. Волконскому	15
На што мнѣ облака	16
Душа, не знающая	17
О, первое солнце	18
Косматая звѣзда	19

МАРИНА

1. Быть голубкой его	20
2. Тремъ самозванцамъ	21
3. — Сердца, измѣна!	22
4. — Грудь Ваша благоуханна	23

Какъ разгораются	24
Безсонница	25

РАЗЛУКА

1. Башенный бой	27
2. Уроненныя такъ давно	28
3. Все круче, все круче	29
4. Смуглой оливою	30
5. Тихонько	32
6. Съдой не увидишь	33
7. Росткомъ серебрянымъ	34
8. Я знаю, я знаю	35

	СТР.
Два зарева	87
Вѣстнику	88

ГЕОРГІЙ

1. Рѣсницы, рѣспицы	89
2. О тяжесть удачи	42
3. Синія версты	44
4. Изъ облаковъ	46
5. Съ архангельской высоты	47
6. А дѣвы не надо	48
7. О всѣми вѣтрами	49

БЛАГАЯ ВѢСТЬ

1. Въ сокровищницу	51
2. Живъ и здоровъ	52
3. Подъ горемъ не горбясь	54
4. Надъ спящимъ юнцомъ	55
5. Во имя расправы	56
Возвращеніе Вождя	58

ОТРОКЪ

1. Пустоты отроческихъ глазъ	59
2. Огнепоклонникъ	60
3. Простоволосая Агарь	61
4. Виноградины тщетно	62
Вѣками, вѣками	63
Отрывокъ	64
Маяковскому	65

ХАНСКІЙ ПОЛОНЪ

1. Ханскій полонъ	66
2. Ни тагана	68
3. Слѣдокъ твой непытанъ	70
4. Не растеклась еще	71
Семеро, семеро	74
Блаженны дочерей твоихъ	75

ХВАЛА АФРОДИТЪ

1. Уже боговъ	76
2. Тщетно, въ вѣтвяхъ	77
3. Сколько ихъ, сколько	78

Отъ гнѣва въ печени	79
Съ такою силой	80
Молодость моя, моя чужая	81
Муза	82
Скоро ужъ изъ ласточекъ	83
Безъ самовластія	84
Такъ плыли: голова и лира	85
Грудь женская	86

ВИФЛЕЕМЪ

1. Не съ серебромъ	87
2. Три царя	88

Какъ по тѣмъ донскимъ	89
Такъ говорю	91
Необычайная она	92
Какъ начнутъ меня колеса	93
Надъ синеморскою лоханью	94
Ахматовой	95

МОСКВЪ

Первородство — на сиротство	97
Пуще чѣмъ женщина	99

1922 ГОДЪ

Новогодняя	101
Новогодняя (вторая)	103
Каменногрудый	105
Не ревновать и не клясть	106
По нагоріямъ	107
Не похорошѣла	109
Верстами — врозь	110
Посмертный маршъ	111

	СТР.
Завораживающая	118
А и просторъ у насъ	114
Слезы на лицѣ моей	115
Не приземистъ	116

ДОЧЬ ІАИРА

1. Мимо иди!	117
2. Въ просторахъ покроя	118

На пушокъ дѣвичій	120
На зарѣ	121
Переселенцами	122
Сомкнутымъ строемъ	124

СУГРОБЫ

Небо катило сугробы	125
Не здѣсь, гдѣ связано	126
Широкое ложе	128
А ужъ такъ: ни о чемъ	129
Въ ворко-клекочущій	132
Масляница	133
Наворковала	137
А сугробы подаются	139
Ранне-утреня	141
Вогаъ любви	143
Отъ меня — къ невѣшному	145

ПЕРЕУЛОЧКИ

Перечень	163
--------------------	-----

